

Владимир Колганов

Советник президента

18+

Владимир Алексеевич Колганов

Советник президента

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54075623

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-06527-7

Аннотация

Это фантастическая история о том, что могло произойти весной то ли 2018, то ли 2019 года. Участниками этой истории стали многие важные персоны. Всё, что здесь рассказано, можно воспринимать и в шутку, и всерьёз, как кому понравится. Автор доказывает простую истину: если ценность произведений искусства и литературы будет определяться размером полученной от их продажи прибыли, это может привести нас к печальному финалу. Совпадение некоторых черт персонажей, в том числе изображённых на обложке, с обликом реальных лиц – это чистая случайность. Оформление обложки выполнено автором.

Содержание

Глава 1. Мартовские иды	4
Глава 2. Квартира в Чистом переулке	14
Глава 3. Призрак Шарикова	23
Глава 4. Проделки Филимона	33
Глава 5. Альтернатива для России	41
Глава 6. Свидание у Новодевичьего монастыря	48
Глава 7. Предчувствие беды	55
Глава 8. Диверсия в депо	63
Глава 9. Дознание в Большом Козихинском	72
Глава 10. Совет в Хамовниках	79
Глава 11. Дела шпионские	90
Глава 12. Кухонные дебаты	98
Глава 13. Заговорщик на Лубянке?	104
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Владимир Колганов

Советник президента

Глава 1. Мартовские иды

В те дни ещё никто не догадывался, что через пару месяцев в Москве наступит небывалая жара. Трудно поверить в такой прогноз, когда идёшь по аллее у замёрзшего пруда, а изо рта вместе со словами вырывается белый пар. Можно подумать, что именно в нём заключён весь смысл произнесённых фраз, однако через несколько мгновений от этих мыслей не останется следа. Впрочем, двое граждан, которые неспешно двигались по аллее, не утруждали себя обсуждением проблем, требующих особого напряжения ума.

Первый из них был не кто иной, как Михаил Афанасьевич Булгаков, автор нескольких пьес, одна из которых принесла ему заслуженный успех, а остальные – массу неприятностей. Второй прославился своей повестью о революционных событиях 1905 года в Одессе, и вот уже год, как Валентин Петрович Катаев нежился в лучах славы и пользовался кое-какими привилегиями, которые полагались советскому писателю.

Как ни странно, темой обсуждения стал «квартирный вопрос»:

– Скажи мне, Валя, ну почему такая жуткая несправедли-

вость? – возмутился Булгаков. – Вы все, и Ильф с Петровым, и Олеша, и даже Боря Пастернак, вот-вот получите квартиры в Лаврушинском, а я вынужден затыкать уши, чтобы не слышать того, что творится этажом выше, в квартире этого жалкого стихоплёта Михалкова, который регулярно устраивает попойки чуть ли не до самого утра.

– Поговорил бы с ним... – посоветовал Катаев.

– Да пробовал, но без толку! Нас с Люсей в гости звал, а мне такое надо? Ты же знаешь, что я люблю работать по ночам...

– Ситуация и впрямь паскудная, – согласился Катаев. – Но ты, Мишаня, сам виноват. Надо было написать что-нибудь патриотичное, с твоим талантом это же совсем нетрудно. Тогда б на руках тебя носили! Да что квартира... Особняк бы получил, а в придачу персональное авто. Ну чем ты хуже Лёшеньки Толстого?

– Нет, Валя. Я так не могу...

– Ну и дурак! – настаивал на своём Катаев. – В человеке важно что? Не ум, и даже не талант, хотя и это может пригодиться. Главное – умение приспособливаться. Надо найти в этом всеобщем бардаке... ну, скажем, свою нишу, которая обеспечит тебе достойное существование.

– Ты знаешь, Валя, у нас с тобой много общего, – тут Булгаков приглушил голос почти до шёпота. – Вот ты из белого превратился в красного, а у меня это никак не получается. Словно бы внутри сидит зверёк, который заставляет насме-

хаться над всеми этими людишками, что мельтешат вокруг. Ну что поделаешь, если кроме сатиры ничего в голову не лезет?

– Я тебя понимаю, Миша. Но этот злой зверёк когда-нибудь сведёт тебя в могилу.

– Всё может быть. Однако я ещё надеюсь и жду.

– Чего?!

Собеседники как раз подходили к турникету у выхода в Ермолаевский переулок, как вдруг на Малую Бронную вылетел трамвай. В этом явлении общественного транспорта народу ничего удивительного не было, поскольку трамвай следовал по своему маршруту в сторону Никитских ворот, намереваясь остановиться у другого турникета, близ Малого Козихинского. Однако дальше началось то, что никак не укладывалось в привычную здешним обывателям картину жизни. Внезапно завизжали тормоза, из-под стальных колёс полетели искры, и трамвай встал, как вкопанный. Странность этого события заключалась в том, что на путях не было никаких препятствий, и более того, никому и в голову не пришло бы перебежать дорогу перед несущимся во весь опор трамваем. А всё потому, что улица была пуста, и только два писателя должны были вот-вот выйти на ближайший перекрёсток.

То, что случилось позже, придётся описать во всех подробностях, дабы не упустить важные детали, которые могут пригодиться следствию. Итак, распахнулась дверь трамвая,

и из неё вышел некто в бриджах, заправленных в хромовые сапоги, а в дополнение к ним была кожаная тужурка, подпоясанная ремнём, на котором висела внушительных размеров кобура. Внимательно посмотрев по сторонам и, видимо, вполне удовлетворившись тем, что удалось увидеть, человек в тужурке обернулся и гаркнул куда-то в глубину вагона: «Чисто!». Весьма сомнительно, что эта реплика относилась к тротуарам, поскольку снежный наст попеременно с наледью никак не соответствовали стандартам чистоты, принятым в столичных городах. Но вслед за этим в проёме двери трамвайного вагона появился человек в матросском бушлате и в брюках клёш. Более всего прочего внимание привлекала бескозырка с надписью «Балтийский флот» – судя по всему, эта немаловажная часть туалета должна была подчеркнуть решимость её обладателя во всём и всегда добиваться цели. И правда, в нём чувствовалась уверенность в своих силах и убеждённость в собственной правоте, чего так недостаёт в нынешние времена многим людям, даже самым талантливым писателям.

«Какая-то важная персона», – сообразил Катаев. Но не успел он поделиться с Булгаковым своей догадкой, как незнакомец уже сошёл по ступенькам на булыжную мостовую и направился к турникету, перед которым от неожиданности замерли писатели. Шёл он слегка вразвалочку, как бывалый моряк, причём левая рука делала какие-то уж слишком длинные махи – не то, что правая, которая была прижа-

та к боку. Знающие люди по секрету поведали Катаеву, что именно так учат ходить агентов ОГПУ-НКВД. Смысл в том, что правая рука не должна болтаться без толку, ей полагается быть в таком положении, чтобы легко можно было достать из кармана револьвер.

Понятно, что внутри у Катаева всё похолодело и даже уши заложило, словно бы уже прозвучал тот роковой, смертельный выстрел. Мысленно он начал составлять текст некролога, надеясь, что не ему будет предназначена пуля – в конце концов, это же Булгаков вслух заявил о своём неприятии советской власти. Раз виноват, пусть отвечает! Но вот энкавэдэшник в брюках клёш подошёл и вопреки мрачному прогнозу не стал ни в кого из писателей стрелять, а напротив, улыбнулся и обратился к ним со следующими словами:

– Извините меня, пожалуйста, за то, что прервал вашу увлекательную беседу, однако вы не могли бы подсказать, какой же теперь год?

– Осенью будем праздновать двадцатилетие Великого Октября, – услужливо подсказал Катаев, уже пришедший в себя после недавнего испуга.

– Эх, опять лоханулись на двенадцать лет, – с досадой пробормотал матрос. – Ну что ж, когда вернёмся, сделаем оргвыводы, – и выразительно посмотрел на того, что в кожаной тужурке. Тот сразу же достал блокнот и сделал в нём какую-то пометку.

– Что ж, всякое бывает, особенно если речь идёт о слож-

ной технике, – посочувствовал Булгаков, в отличие от Катаева сразу сообразивший, что к чему. – Однако позвольте поинтересоваться, почему «опять»?

Тут надо пояснить, что Михаил Афанасьевич проштудировал всего Уэллса прежде, чем сочинить «Роковые яйца». Читал он и «Машину времени», а потому слова этого балтийского матроса не вызвали у него ни изумления, ни, тем более, испуга.

– Вы это о чём? – матрос видимо ещё прикидывал, какое наказание он назначит тем учёным мудрецам, которые закинули его совсем в другие времена, не туда, где он задумал побывать. – Ах да, двенадцать лет, – и почему-то ехидно улыбнулся. – Так ведь с революцией большевики напутали! Им же ясно сказали, что по всем раскладкам она должна состояться в октябре семнадцатого, а тут какой-то умник предъявил расчёты, всех переубедил, ну и выступили в пятом. Результат известен – чуть не завалили дело.

– То есть вы утверждаете, что всё заранее в истории расписано? – скорчил недоумённую гримасу Валентин Катаев.

– А вы как думали? – парировал матрос. – К примеру, когда меня утверждали в должности, всё в точности сошлось. И мой предшественник полностью исчерпал свои возможности, и цены на нефть изготовились к подъёму, да и зарубежные товарищи единогласно решили поддержать. Правда, потом горько пожалели, но это к делу не относится. Куда важнее, что через двенадцать лет я снова был на коне, так что

всё строго по науке. А вот теперь эти олухи царя небесного снова просчитались – я ведь им ясно говорил, что мне нужен тысяча девятьсот двадцать пятый год!

Про нефть и про какого-то предшественника никто из писателей ничего не понял, однако нельзя же демонстрировать своё невежество. Поэтому последовал вопрос:

– Но зачем вам понадобился именно двадцать пятый год?

– Ну как же, Михаил Афанасьевич! – воскликнул матрос, обращаясь к Булгакову. – Разве вы не помните, когда «Собачье сердце» написали? Да-да, в марте того самого года.

И не успели Катаев с Булгаковым проронить хотя бы слово, как незнакомец, пройдя через турникет, взял их под руки и повёл обратно, на аллею у Патриаршего пруда.

– Кстати, вы тут говорили про умение приспосабливаться, – эти слова были адресованы Катаеву. – А ведь у меня, как это ни странно, такая же судьба, но только совсем наоборот. Всё дело в том, что я из красного вынужден был превратиться в белого.

Булгаков с интересом посмотрел на незнакомца, в то время как реакция Катаева куда более соответствовала текущему моменту – в таких обстоятельствах надо либо бежать к ближайшему телефону-автомату на Садовую, либо позвать постового, что всегда дежурит у сберкассы на углу Малого Козихинского и Бронной. Вполне логично, что Валентин Петрович для начала сделал попытку освободить свою руку, но не тут-то было – хватка у незнакомца была, как у борца

дзюдо.

– Напрасно испугались, Валентин Петрович, я вас не провоцирую. По сути, я иностранец, поскольку не являюсь гражданином Советского Союза.

– Ах, иностранец, – эти слова Катаев произнёс с явным облегчением, к которому примешивалась малая толика зависти. – Тогда понятно, тогда совсем другое дело. Вам, как иностранцу, здесь можно всё... Даже носить форму балтийского моряка и отовариваться в Торгсине за валюту.

Иначе отреагировал на слова незнакомца Булгаков – он криво усмехнулся и сказал:

– Послушайте! Но всё это уже было... И иностранец, и трамвай...

– Да-да, я читал, – согласился матрос. – Однако заметьте, на этот раз обошлось без отсечения головы и прочих мерзостей.

В глазах Катаева снова возник испуг, поскольку несведущему человеку трудно понять, какая может быть связь между иностранцем, гильотиной и трамваем. Тем временем Булгаков поморщился, словно бы проглотил кусок несвежей осетрины, и продолжал своё:

– И какая необходимость всё снова начинать?

– Не знаю, что вы имеете в виду, но я здесь по другому делу.

– Вряд ли я смогу вам чем-нибудь помочь.

– Вот тут вы ошибаетесь. Но об этом поговорим чуть поз-

же, в более подходящей обстановке.

Судя по всему, между незнакомцем и Булгаковым складывался некий альянс, а Катаев мог оказаться третьим лишним. Пора было это прекратить:

– Послушайте, милейший, – вскричал Катаев. – В конце концов, это неприлично! Сначала бесцеремонно вмешались в наш разговор, а теперь... Я уж не говорю о том, что вы с Михаилом изъясняетесь какими-то намёками. Виданное ли дело грозить мирным гражданам убийством, да ещё таким варварским способом, как отделение головы от тела! Кто вам дал такое право?

Незнакомец отступил от писателей на шаг и посмотрел в глаза Катаеву.

– А не вы ли, дорогой товарищ, как-то в компании сказали: «За сто тысяч убью кого угодно. Я хочу хорошо есть, хочу иметь хорошую шляпу, отличные ботинки»?

– Про шляпу и ботинки говорил, не спорю, потому что был изрядно пьян, – растерянно произнёс Катаев. – Но при чём здесь это?

– При том, что бывают обстоятельства, когда вроде бы испробовал все средства, а нужного результата нет. И вот тогда не остаётся ничего другого, как... – тут незнакомец потянулся к карману своего бушлата.

– Нет! Этого мы вам не позволим! – закричал Катаев, ожидая новой пакости от иностранца.

Однако всё обошлось, поскольку вместо нагана иностранца

нец достал из кармана визитную карточку и протянул её Булгакову. Там значилось: «Чистый переулок, дом 6, квартира 31». Что подозрительно, на карточке не было ни фамилии, ни имени.

В мозгу Булгакова как бы сама собой возникла мысль: «Неужели Воланд к нам пожаловал?»

Глава 2. Квартира в Чистом переулке

Расставшись с иностранцем, писатели ещё долго бродили по аллеям у Патриаршего пруда, обсуждая вероятные причины недавнего события, причём Катаев не исключал возможность массовой галлюцинации. Однако ему так и не удалось ничего узнать про отрезанную голову, о которой говорил начитанный матрос. Булгаков явно что-то знал, но по какой-то причине не желал углубляться в эту тему. Позже, по дороге домой, Катаев перебрал в уме сюжеты всех известных ему пьес, романов, фельетонов и рассказов, а заодно припомнил десяток оперетт из репертуара одесских и московских мюзик-холлов, но так и не обнаружил ничего. Ну разве что казнь Марии-Антуанетты... Вот только трамвай тогда оказывается ни при чём.

Булгаков тоже был изрядно озадачен, однако «мистическому писателю» – так он назвал себя в одном из писем Сталину – не пристало забивать себе голову предположениями о том, каким конкретно образом эта странная личность в брюках клёш перенеслась из прекрасного далёка в нынешние гнусные времена. Куда больше Булгакова занимал вопрос: «зачем же я ему понадобился?»

Ночью он почти не спал – и работать не мог, и сон не

шёл – только ворочался с боку на бок. А наутро принял единственно верное решение: воспользоваться приглашением иностранца и узнать всё из первых рук.

Чёрный костюм, галстук бабочкой, лакированные штиблеты – именно так Булгаков одевался, когда ходил на приём к американскому послу. Вот и теперь он постарался не ударить в грязь лицом, однако Люся не хотела отпускать одного, и пришлось долго и нудно объяснять, оправдываться, что не к любовнице собрался, а по важному делу, мол, не исключено, что от этого визита зависит и его личная судьба, и судьба России. Кто знает, возможно, он был недалёк от истины.

Из Нащокинского до Чистого переулка пешком не более пятнадцати минут, если идти быстрым шагом – всё лучше, чем тащиться на Большую Садовую, в дом Пигита. К счастью, новоявленного Воланда не устроил прежний адрес штаб-квартиры, хотя не исключено, что всё совсем не так, и этот иностранец не имеет никакого отношения к потусторонним силам. И вот Михаил Афанасьевич стоит перед тем самым домом, где он не раз бывал, где был любим и где его любили. Ну а потом всё кончилось, потому что к власти пришли большевики. Сейчас не хотелось об этом вспоминать, хотя было бы занятно, если бы иностранец обосновался в той самой квартире на втором этаже... Но нет, пришлось подняться этажом выше – там на массивной дубовой двери с номером 31 красовалась медная табличка, где значилось: проф. Д.А. Бурмин.

«До чего ж у него всё сложно! То оказывается матросом, то иностранцем, а теперь вот – известный всей Москве врач-терапевт. Как-то несолидно для Воланда – скорее уж, глубоко законспирированный вражеский агент». Остановившись на этой версии, Булгаков нажал на кнопку дверного звонка.

Прошло, наверное, несколько минут, в течение которых в голове Булгакова одно за другим возникали кошмарные предположения, вплоть до того, что это провокация НКВД, на которую он по наивности поддался. Однако уже поздно было отступать, даже несмотря на то, что, так и не успев дописать роман, можно оказаться в Матросской тишине или в Лефортово. Но вот, наконец-то, дверь открылась, и перед ним возникла, заслоняя по ширине весь дверной проём, по виду, деревенская баба, однако в зелёном облегающем трико. Чем-то она напоминала только что вылезшее из болота земноводное. Булгакову даже захотелось повернуть назад, однако не потому, что чего-то испугался – его вдруг ошарашила мысль, что если уж его Гела превратилась в это чудище, вряд ли стоит ожидать чего-то позитивного от предстоящей встречи.

И словно подтверждая эту мысль, в щель между дверным косяком и зелёным трико просунулся некто – весь в чёрном и с козлиной бородой:

– Свят, свят! Никак дьявольское отродье к нам пожаловало, прости Господи! – и, притопнув ножкой, взвизгнул: – Не пущать!

– Не встревай, Моня! Я сама с ним разберусь, – отмахнулось «земноводное», не отрывая цепкого взгляда от лица Булгакова. – Вы, гражданин, записались на приём?

– Нет, но...

– Тогда подайте заявление в установленной форме. Мы внимательно его рассмотрим и направим в профильное ведомство. А через месяц получите...

– Отлуп! – гаркнул Моня и заржал.

– Послушайте! Но он сказал, что я могу... – попробовал возразить Булгаков.

– Гражданин! Всё, что вы можете, это решаем мы.

– И давайте не будем! – поддакнул тот, что с бородой. – Не советую нарушать общественный порядок...

– Да-да, пройдите, гражданин!

Тётка уже закрывала дверь, но тут из глубины квартиры раздался чей-то строгий голос:

– Галина! Кого ещё там принесло?

Вслед за этим зелёное трико куда-то испарилось, и в проёме двери возник тот самый, то ли личный секретарь, то ли охранник, который вместе с иностранцем катался на трамвае. Здесь можно было разглядеть его во всей красе: глаза чуть навывкате, шатен, над верхней губой что-то похожее на усы... Жаль, что не щёткой – ему бы это больше подошло. На этот раз он был в цивильном сюртуке, едва прикрывавшем волосатую грудь, а бриджам предпочёл семейные трусы.

– Здравсьте, здравсьте! – приветливо осклабилось знакомое

лицо. – А мы вас заждались. Я вот даже успел вздремнуть, поскольку, знаете ли, все эти поездки, перелёты отнимают много сил. Да вы проходите, он вас сразу примет.

Подумалось, а не стоит ли повернуть назад? Не дай бог, если иностранец надумает выйти к нему в одних кальсонах. Кто знает, может быть, здесь принято так встречать гостей.

Но вот Михаил Афанасьевич уже в гостиной, и не успел он оглядеться по сторонам, как где-то за стеной торопливо вдарили куранты, и точно с двенадцатым ударом дверь, видимо, ведущая в кабинет, распахнулась настежь, а затем в комнату, на ходу делая отмашку левою рукой, вошёл тот самый матрос, на поверку оказавшийся почему-то иностранцем. Надо признать, что в чёрном костюме английского покроя он смотрелся ничуть не хуже, чем в бушлате.

– Добро пожаловать! Очень рад! Как добрались, не заплутали?

– Благодарю, – вежливо ответил Булгаков. – Я ведь здесь уже бывал, правда, в квартире ниже этажом.

– Да-да, мне рассказывали... Там жил какой-то князь, а вы вроде бы ухаживали за его женой. А после октября семнадцатого они всей семьёй бежали за границу. Или всё это неправда?

«От него ничего не скроешь, – мысленно обругал себя Булгаков за то, что лишнего наговорил. – Теперь понятно, зачем он выбрал этот дом. Видимо, полагает, что здесь меня можно брать голыми руками». И потому ответил кратко,

ничего не объясняя:

– Увы, это грустная история. Как говорится, дела давно минувших дней.

– Ну, в жизни всякое бывает, – согласился иностранец, – и далеко не всегда нам удаётся должным образом распорядиться своими чувствами и мыслями... Да вы присаживайтесь, почувствуйте себя как дома, – и указал на одно из двух кресел, стоявших у стены.

«Легко сказать – как дома! Но можно ли так чувствовать себя, если не знаешь, чем это рандеву закончится? Тем более что неизвестно, кто здесь гость, кто квартирант, а кто хозяин, не говоря уже о тех субъектах, что поначалу встретили у входной двери». Так размышлял Булгаков, усаживаясь в кресло. Понятно, что единственный выход из подобной ситуации – поставить вопрос, что называется, ребром:

– Позвольте спросить, как мне теперь вас называть? То вы матрос, то заезжий иностранец, а теперь, судя по табличке на двери...

– Ах, вы об этом, – усмехнулся иностранец. – Так ведь Бурмину выпала горячая путёвка в Кисловодск. Пусть попьёт водички, подлечится, пока мы с вами разговариваем. А то ведь, если ненароком донесёт о нашей встрече, потом хлопот не оберёшься.

– Это исключено, – уверенно возразил Булгаков. – Врач, давший клятву Гиппократа, не способен на такую подлость.

– Как бы не так! Я по секрету вам скажу, что через год в

Москве будет проходить судебный процесс против нескольких врачей. Якобы преступная группа во главе с профессором Плетнёвым свела в могилу товарищей Менжинского, Куйбышева и даже Максима Горького, что уж совсем недопустимо. Так вот, этот Бурмин выступит на процессе в качестве эксперта и будет утверждать, что врачи намеренно использовали вредную методику лечения.

– Я вам не верю! – вскричал Булгаков. – Этого не может быть!

– Может, не может... – пожал плечами иностранец. – Вы сядьте и успокойтесь. Скоро сами всё увидите! Кстати, через год, прочитав об этом событии в мартовском номере «Известий», вы заново перепишите главу о бале сатаны.

«Врёт или не врёт? А если врёт, зачем ему всё это надо?» Булгаков растерянно смотрел на своего визави, но так и не сумел найти ответ. Видя такую реакцию, иностранец решил уйти от скользкой темы:

– Ах да, чуть не забыл про ваш вопрос... Признаться, это вечное «Владим Владимыч» вот у меня где, – и он постукал ладонью по затылку. – По двести раз на дню приходится такое слышать. «Господин президент» тоже не годится в данном случае, поскольку я здесь неофициально. Так как же быть?

Мысленно согласившись с тем, что доверительной беседе не способствуют столь явные излишества, как «ваше высокопревосходительство» или «дорогой товарищ», Булгаков

предложил:

– Может быть, мессир?

– Ваш намёк понятен, – рассмеялся иностранец. – Но нет, это не годится. – И после короткого раздумья: – А как вам «мэтр»?

– Честно говоря, «мэтр» я приберёг бы для себя...

– Вот незадача! Тогда, может быть, обращаться просто по фамилии? Например, товарищ Иванов, или Петров... Нет, пусть будет Платов, мне эта фамилия больше нравится, – назвавшись Платовым, он загадочно улыбнулся и подвёл итог: – Будем считать, что договорились.

Булгаков не возражал.

– Однако я всё же не пойму, чем заслужил подобное внимание к своей персоне.

– Вы правы, самое время перейти к делу, – согласился Платов. – Прежде всего, я должен рассказать, откуда прибыл. Собственно говоря, адрес всё тот же, столица нашей Родины Москва, точнее Кремль, а вот время, как вы уже догадались, совсем не то, что значится теперь на календаре.

– Вероятно, тоже март, – предположил Михаил.

– Вы правы, но... – Платов со значением поднял указательный палец, – Но уже в следующем столетии!

«Эк куда его занесло! Зачем же прибыл к нам, к безропотным, послушным бедолагам, живущим по заветам Ильича. Что ему здесь надо?» Прыжку во времени на несколько десятков лет Булгаков ничуть не удивился, но было бы куда ра-

зумнее отправиться не в прошлое, а в будущее. Если есть какие-то трудноразрешимые проблемы, глядишь, там бы что-нибудь и подсказали люди, достигшие значительного совершенства в духовной и иных полезных сферах. Но следующая мысль поразила его своей простотой и очевидностью. С какой стати эти глупые, лицемерные, алчные людишки, озабоченные своими личными делами, вдруг станут строить общество, в котором правят умные, честные, талантливые люди? Скорее уж наоборот! Неужели всё так и случилось?

Глава 3. Призрак Шарикова

– Вы правы, Михаил! Если всё так пойдёт, то в будущем нас ничего хорошего не ожидает. И нашу страну, и остальной мир...

Платов словно бы читал чужие мысли или отвечал на вопрос, который прочитал в глазах Булгакова, и продолжал:

– Как же этого не допустить, как предотвратить сползание человеческой цивилизации в бездну невежества и варварства? Большевики попробовали применить силу, чтобы создать нового гомо-сапиенс, который следовал бы кодексу строителей коммунизма. Однако ничего не получилось, потому что человек живёт инстинктами, которые заставляют его лгать, воровать, предавать друзей. И всё ради того, чтобы обеспечить достойную жизнь себе и своим потомкам.

– Так что же делать?

– Честно говоря, не знаю. Иногда я просто в отчаянии! Ежедневно убеждаюсь, что все мои усилия заставить людей жить честно не достигают своей цели. Всё напрасно! Страна избавилась от большевиков, людям предоставлены права, которые и не снились вам в прежней, монархической России. А в результате что? К примеру, мы отдали под суд одного проворовавшегося чиновника, на смену ему пришёл другой, но вскоре выясняется, что он ничем не лучше. Просто эпидемия какая-то! Причём все только твердят: «Дай! Дай!» А

где я возьму им столько денег? Тем более что часть выделенных средств наверняка пойдёт не на дело, а в их собственный карман. Ну можно ли так не любить свою страну?!

Этот весьма эмоциональный монолог поразил Булгакова. Его не удивило даже то, что с ним столь откровенно беседует человек, облечённый высшей властью. Он иногда представлял себе, как говорит со Сталиным, но к Сталину можно обратиться только с просьбой, а тут возникло впечатление, что от него самого ждут полезного совета.

В разные времена он знал многих людей, недовольных своим правительством, но чтобы верховная власть сама признавалась в собственном бессилии... Такого он не ожидал. Чем же Булгаков мог ответить? Посоветовать подать в отставку? Однако понятно, что проблема гораздо глубже, и её так просто не решить. Ведь у главы государства тьма-тьмуша советников, а он зачем-то прилетел сюда. Чего ж ему здесь надо?

– Я так и не понял, чем могу помочь.

Платов, видимо, пытаясь собраться с мыслями, провёл ладонью по лицу и пробормотал:

– Что-то я совсем расслабился. Там, – он показал куда-то в сторону, – там не могу себе ничего подобного позволить, поскольку стоит только дать слабину, как тут же ворюги подомнут под себя Россию. Этого допустить нельзя! – он замолчал, выразительно посмотрев на Булгакова. – И что же делать? Сталин решал проблему жёстко, однако эффект был

кратковременным. К тому же в нынешние времена такие методы не популярны. Но вот один из моих помощников предложил весьма радикальный способ воздействия на человека с целью улучшения его природы. Вы знаете, мне поначалу показалось, что он сошёл с ума. Потом посоветовался с учёными. Говорят, такое в принципе возможно, но потребуются очень много времени. Дай им только денег, а результат никто не гарантирует! – усмехнулся Платов. – И тут попалась на глаза та ваша повесть, где некий профессор...

– Но вы же знаете, что с Шариковым ничего не получилось.

– Просто неудачно выбрали объект для опытов. Но если он смог собаку превратить в плохонького человека, так уж наверняка сумел бы из человека средних способностей сделать гения, а честного гражданина создать из подлеца.

– Послушайте! В конце концов, это же вымысел, фантазия!

– Позвольте вам не поверить, Михаил. Наверняка у профессора Преображенского был прототип. Вы хоть и врач по образованию, но совсем другого профиля. Уверен, что тут не обошлось без участия специалиста по евгенике. Или я не прав?

– Да, был такой, – чуть помолчав, сказал Булгаков. – Мы познакомились ещё в восемнадцатом году. Стыдно признаться, но после расставания с княгиней я увлёкся морфием... А потому что не было больше никаких сил! Но одна-

жды понял, что стою на краю могилы. И вот поехал в Москву, где мне посоветовали обратиться к доктору Кутанину.

– И что же?

– Он убедил меня заняться литературным творчеством. Сказал, что всю свою боль, свои переживания я должен переложить на плечи выдуманного человека. Пусть он теперь и мучается! И знаете, мне это помогло. С тех пор и пишу.

– Я вас поздравляю, но нельзя ли ближе к делу, – попросил Платов.

– Через три года, когда я перебрался в Москву, однажды встретил его здесь, в Чистом переулке. Он жил в соседнем доме. Понятно, что специалисту-наркологу было интересно узнать о результатах применения своей методики лечения. Мы несколько раз встречались, и вот однажды в разговоре... Но тут я должен пояснить, что в двадцатые годы Кутанин увлекался эвропатологией, изучением генетических корней гениальности и её связи с психопатологией, опубликовав по этой теме ряд статей: «Бред и творчество», «Гений, слава и безумие». Его идеи я позже попытался использовать в своём романе...

– Михаил! Не испытывайте моего терпения! – вскочив с кресла, закричал Платов, да так, что зазвенели хрустальные подвески в люстре, а под Булгаковым закачалось кресло, причём в буквальном, а не в переносном смысле. – Что вы всё о себе, да о себе? А тут страна буквально корчится в судорогах накануне катастрофы!

На этот жуткий крик в гостиную вбежали двое – секретарь, который был по-прежнему в трусах, и Моня в чёрном балахоне. Моня размахивал золочёным крестом, а секретарь, видимо, схватил то, что было под рукой – это был гипсовый бюстик Сталина. Булгаков обратил внимание на это произведение искусства, когда проходил через прихожую, однако не мог предположить, что кому-то в голову придёт использовать его в качестве оружия. Оружием пролетариата, как известно, был булыжник. Оружием дворянина – шпага. А тут чья-то голова...

– Вас только не хватало! Брысь! – рявкнул Платов.

Прислуга в одно мгновение исчезла за дверью, а Платов опять уселся в кресло.

– Вот с кем приходится работать! – сказал он, понемногу приходя в себя. – Кругом подлизы, прихвостни и приживалы, верные до тех пор, пока кормлю с руки. Ну хоть бы одно дело сумели довести до конца! Нет, всё приходится делать самому.

Только теперь Булгаков понял, как трудно управлять огромным государством, в особенности, если тебя окружают такие люди. Подумалось: «Да на его месте я бы спился!»

– Если вы не против, я продолжу, – Булгаков сделал вид, что ничего не произошло. – Так вот, «гений, безумие и бред», эти понятия имеют непосредственное отношение к теме. Ко времени нашей последней встречи Кутанин уже не верил в то, что с помощью лекарств или гипноза мож-

но вылечить любого человека, например, склонного к убийству или к воровству. Позже, переехав в Саратов, он всерьёз занялся проблемой улучшения человеческой породы. Мне неизвестно, сумел ли он чего-нибудь добиться. Ну а тогда, в Москве, он только высказал несколько идей, которые, так или иначе, сводятся к физическому воздействию на человека. Это может быть и пересадка каких-то органов, и хирургическое изменение их структуры. Но повторю, что всё это не более чем предположения, догадки, которые годились только для того, чтобы положить их в основу сюжета моей повести.

– Жаль, а я-то рассчитывал на что-то более конкретное, хотя бы намёк, который позволит двигаться в верном направлении, – совсем было расстроился Платов.

– Но почему бы вам не обратиться непосредственно к Кутанину? Возможно, у него появились новые идеи. Правда, до Саратова неблизкий путь.

– Да, на трамвае туда не доберёшься, – согласился Платов, – а самолётом воспользоваться не смогу, поскольку здесь я в сущности никто, без полномочий, без должности, без имени.

– Это довольно странно, – в мозгу Булгакова снова закопошился червь сомнения. – Вы способны перенестись через века, но лишены возможности передвигаться по России.

– Проблема в том, Михаил, что завтра к вечеру закроется окно во времени, надо будет возвращаться домой, так что с Кутаниным я не смогу переговорить.

– Ну тогда в другой раз полетите.

– К сожалению, всё сложнее, чем вам кажется. Это самое окно, то есть «обратимая кротовая нора» по терминологии наших физиков, открывается примерно раз в двенадцать лет, причём только ни три дня. Я в этой науке не силен, но учёные утверждают, что происходит это в пик наивысшей солнечной активности, которая сама по себе ничего не значит, поскольку является лишь следствием более сложных процессов во Вселенной. Кстати, идея перемещения во времени возникла ещё в советское время, а мы её только доработали.

– В будущее летать не пробовали? – любопытствовал Булгаков.

– Было такое, но лучше бы мы этого не делали!

– Неужели всё так плохо?

– Хуже не придумаешь! – Платов замолчал, собираясь с мыслями. – Представляете, правит на Земле машина, называют её Супермозг, а всякие там Швондеры и Шариковы надзирают за людьми. Что интересно, жизнь сводится к получению наслаждений всеми доступными путями – для этого созданы необходимые условия, огромная, разветвлённая индустрия развлечений, причём всем этим можно пользоваться, не выходя из собственного дома. Проблема в том, что все сыты и довольны, и не желают ничего менять. Люди ведут себя, как свиньи, присосавшиеся к корыту со жратвой. Даже рожать детей эти люди разучились, за них это делают специальные машины-инкубаторы, но только если возникла по-

требность компенсировать падение численности населения Земли.

– Ужасно! Но книги, книги...

– Книг не пишут, да и читать давно все разучились.

– Не могу поверить! Это же конец всему!

– Я тоже не верил, пока мне не предъявили доказательств. Вот поэтому и хлопочу о том, что надо что-то срочно менять, иначе будет поздно.

– Ну а такие люди, как профессор Преображенский или доктор Борменталь? Неужели и они... – услышанное настолько потрясло Булгакова, что в его мозгу смешалось всё, и персонажи его произведений, и эта жуткая реальность, которая наступит через много лет.

– Есть версия, что часть людей предвидела эту опасность и вовремя покинула планету.

– Возможно, основали поселение на Луне?

– Вот это вряд ли, воздуха не хватит. Хотя всё может быть... Но представляется более реальным, что они отправились в полёт по Вселенной в поисках иной цивилизации. Ищут, но вряд ли когда-нибудь найдут, – Платов помрачнел, но через несколько мгновений вдруг встрепенулся: – Что это мы всё о грустном? Ладно, если с Кутаниным не получилось, ещё что-нибудь придумаем. А вот не могли бы вы помочь ещё в одном очень важном деле? Видите ли, одна из моих дочерей мечтает получить ваш автограф. Так как? – лукаво улыбнулся Платов.

Булгаков был слегка ошарашен.

– Мне конечно лестно, однако стоило ли ради моего автографа совершать такое рискованное путешествие?

– А почему бы нет? – удивился Платов. – У нас теперь в моде одиночные плавания на яхте вокруг света и прочие экстремальные виды спорта. Да вот и вы пишете свой роман о сатане... Это ведь тоже риск, но он вполне оправдан, потому что через тридцать лет роман переведут на многие языки и будут издавать тысячными, миллионными тиражами!

Приятно слышать, когда тебя так хвалят, хотя и с явным опозданием. Самое важное для писателя, чтобы его читали, ну а всё остальное к этому приложится. Но тут возникла неувязка.

– Простите, я не знал... Надо было принести хотя бы афишу «Дней Турбиных», но, увы, не ожидал, что так получится. Может быть, вы захватили что-то из моих книг, чтобы я там расписался?

– Это невозможно! – покачал головой Платов и, видя недоумение Булгакова, пояснил: – Видите ли, Михаил, рукописи, как всем известно, не горят, но книги не выдерживают перемещения в прошлое. Страницы превращаются в труху.

– Почему так?

– А вы представьте, что на вашем столе лежат рядышком и недописанная рукопись «Мастера и Маргариты», и пахнущая типографской краской книга с тем же названием. Это же абсурд, это против всякой логики!

Тут нечего было возразить. Однако как же быть с автографом?

– Пожалуй, я распишусь на одной из этих книг.

Булгаков указал на книжный шкаф, и, подойдя к нему, стал перебирать книги, все с золотым тиснением на корешках. И наконец, нашёл.

– Вот то, что нужно! Гоголь, это мой любимый писатель. Если не возражаете, я распишусь на первой странице «Мёртвых душ». Думаю, хозяйской библиотеки не убудет.

Платов поморщился.

– А чем вам не нравятся «Вечера на хуторе близ Диканьки»? Я когда-то зачитывался этими рассказами. «Мёртвые души»... это слишком мрачно.

– Извольте, – Булгаков достал другую книгу. – Кстати, а как зовут вашу дочь?

– Это неважно, – сказал, как отрезал, Платов.

«Видимо, и впрямь у них не всё в порядке, если детей скрывает от народа. При Сталине всё гораздо проще».

Пришлось написать так: «В.В. Платову на добрую память о нашей встрече. 22 марта 1937 г.». И поставил подпись.

Глава 4. Прodelки Филимона

– Ну что ж, Михаил, – воскликнул Платов, принимая из рук Булгакова драгоценную книгу, – после деловых переговоров пора бы и перекусить, чем бог послал. Прошу к столу.

Булгаков уже понял, что на сей раз обойдётся без черепов, наполненных чьей-то кровью, но вместе с тем хотелось бы, чтобы осетрина была нужной свежести, не как в Торгсине на Смоленской.

Тут отворилась дверь, и под звуки свадебного марша вошли всё те же – во главе процессии была тётка в зеленоватом выцветшем трико, которое частично прикрывал жёлтенький передник. Перед собой она катила тележку, на двух ярусах которой расположились тарелки с осетриной и лососиной, баночки с паюсной и красной икрой, маслице на отдельной тарелке, немного зелени и конечно хлеб нескольких сортов. За ней секретарь вкатил ещё одну тележку, сплошь уставленную бутылками, причём все этикетки были на иностранных языках – Булгаков смог рассмотреть только французское «Бордо», но водки почему-то не было. «Неужто всё везли с собой? Или заранее запаслись валютой?» А в завершение этого торжественного шествия в столовую вступил Мона – он скоренько произнёс то ли какое-то приветствие, то ли застольный тост, дожидаясь, пока будут расставлены тарелки. Это бессмысленное бормотание вполне резонно Бул-

гаков пропустил мимо ушей. Но вот прислуга удалилась, и можно приступать к трапезе.

– Всё свежее, – успокоил Платов. – У нас в трамвае есть отсек с холодильной камерой.

– Так что же, вы оттуда прямо на трамвае?

– А почему бы нет? Вот если бы на Патриарших приземлился бронированный президентский лимузин или ещё какая-то нездешняя машина, вы можете представить себе, что бы было?

В этих словах Булгаков уловил здравый смысл, поэтому ничего другого не оставалось, как сесть за стол и прицепить на шею белую салфетку с вензелем «ВП».

Как ни странно, Платов ничего заграничного не пил, если не считать пива из бутылки с этикеткой «Eisenacher Wartburg Pils».

– Забавная надпись, вы не находите?

Рот Булгакова был забит паюсной икрой, поэтому он не сразу ответил, тем более что надо было что-нибудь этакое сообразить, только бы не обидеть важную персону.

– Да-да, возникают необычные ассоциации.

– А вот меня это веселит! Вроде бы посылают меня куда подальше, но я продолжаю гнуть свою линию вопреки всему. В этом противостоянии есть спортивный азарт... Хотя пиво тут конечно ни при чём.

– Любопытно, о чём немцы думают, когда пьют нашу водку.

– Вообще-то они предпочитают пить шнапс, например, Kirschwasser. Русская водка вызывает у них грустные воспоминания, но это будет уже гораздо позже. Ну а в ваше время, в 37-м, наверное, уже мечтают о грядущем «Drang nach Osten», но уверяю вас, ничего хорошего это им не принесёт. Прискорбно то, что за прошедие десятилетия почти ничего не изменилось. Они по-прежнему боятся русского медведя и надеются нас приручить. Кстати, – воскликнул Платов, – у меня созрел отличный тост: «За Русь! За нас, непобедимых!»

За это и впрямь следовало выпить, не взирая на политические реалии, на монархов и вождей, а также на прочие приметы времени. Ничто не вечно, а вот Россия остаётся навсегда.

После второго бокала «бордо» Булгаков осмелел:

– Мне тут подумалось... Ведь у нас с вами много общего. Я служил в Белой армии, а теперь вот пытаюсь приспособиться к жизни при Советах. Вы верой и правдой служили советской власти, а теперь, насколько я понял, вынуждены обслуживать её врагов.

– Это не так! – Платов чуть не поперхнулся кусочком лососины.

– Вы просто боитесь в этом признаться...

– Михаил! Не увлекайтесь! Мне некого бояться...

– Да я вас ни в чём не обвиняю.

– И на том спасибо! Ладно, давайте объясню, – промокнув

рот салфеткой, Платов продолжал: – Прежде всего, никого я не обслуживаю. Но дело в том, что в нынешних обстоятельствах нельзя иначе. Большевики проиграли, поэтому нужно искать новые пути, новые идеалы, новые способы управления страной, экономикой, людьми. Ну вот, к примеру, роль церкви в воспитании подрастающего поколения – мы уделяем этому огромное внимание.

– А надо ли?

– Вы что же, против РПЦ? – насупился Платов.

Булгаков мысленно обругал себя за то, что не сдержался, но тут уж ничего не поделаешь...

– Видите ли, я родом из семьи священника. В конце прошлого века и в Карачевском, и в соседнем, Ливенском уезде – что ни священник, то либо Покровский, либо Булгаков. Будьте уверены, в нашей семье соблюдались все установления православной церкви – и говение постом, и посещение храма. А по воскресным дням отец читал вслух всей семье Евангелие...

– Ну это уже слишком! – согласился Платов.

– А вы чего хотите? Если уж принимать христианскую веру, так надо соблюдать каноны. Ну а подержать свечку в церкви на Рождество или на Пасху... это, знаете ли, профанация и ни что другое.

В других обстоятельствах Платову стоило распорядиться, чтобы наглеца выставили вон. Но тут он вроде бы на птичьих правах, да и как-то неудобно обижать Булгакова, он и так

от власти пострадал. А потому, внешне никак не проявляя раздражения, сказал:

– Я не собираюсь никого ограничивать в правах. Вы можете говорить всё, что угодно, но если у кого-то есть желание посещать церковь, пусть будет так. И я вот тоже иногда...

– Надеетесь получить искупление грехов?

– Да у меня вроде бы их не так уж много... – хлебнув пива, Платов помолчал, словно бы перебирая в памяти все свои неблаговидные поступки, и сказал: – Видите ли, Михаил, тут всё куда сложнее. В прежние времена люди знали, за что страдают, за что идут в бой. Сначала был популярен девиз «За Веру, Царя и Отечество!», потом – «За Сталина!», «За победу коммунизма!». Но вот избавились от большевиков, и что теперь предложить взамен?

Булгаков на минуту задумался.

– Вы наверняка знаете, что я по убеждениям монархист, поэтому прежний девиз меня вполне устраивал. Только в слова «За веру!» я вкладывал иной смысл. Я верил и продолжаю верить в великое предназначение русского человека, а вы настаиваете на том, чтобы я верил в Бога...

– Да ни на чём я не настаиваю! – возразил Платов. – Однако не все люди обладают такими знаниями и интеллектом, как мы с вами. Они нас просто не поймут, им нужно что-нибудь попроще!

– Я так не думаю. Нравственность, духовность, вот наш идеал! А вы предлагаете некий эрзац, который проповедуют

лицемерные попы...

Булгакову не удалось договорить, поскольку распахнулась дверь, и в комнату, размахивая золочёным крестом, вбежал всё тот же Моня. Рухнув на колени перед Платовым, он завопил:

– Владим Владимыч! Благодетель наш! Гони ты эту сволоту взащей, чтоб духу его здесь не было! Глянь! Глянь, это же Антихрист! Да что тут говорить, это же он церковь священномученика Ермолая на Козихинском спалил! Доколе же мы будем терпеть унижения от всякого отребья?! – и Моня зарыдал, уткнувшись в подол длиннополой рысы.

Сцена была достойна пера Уильяма Шекспира. Булгаков уже готов был аплодировать, но Платов торопливо встал, подошёл к Моне и не без труда поднял его массивное тело с колен, приговаривая:

– Ну будет тебе, не принимай так близко к сердцу. Выпей нарзану, тогда сразу полегчает, – затем подвёл заплаканного Моню к столу и потянулся к кока-коле, поскольку нарзана на столе не оказалось.

Однако Моня его опередил. Схватив бутылку коньяка, он опрокинул её в фужер, и не успел отреагировать на это действие Платов, как Моня залпом выпил. Затем секунду помолчал, удовлетворённо крикнул и завопил:

– Слышу! Слышу! Благодать по телу разливается...

Платов оторопел. Только и смог сказать:

– Моня, ты хоть не позорь меня перед писателем...

Но того уже нельзя было остановить:

– От них всё зло, от этих самых писак! Льва Толстого от церкви отлучили, так они теперь из всех щелей, как тараканы, повылазили. Ентот и вовсе, Христа в своём романе юродивым изобразил...

«Ну, не совсем так. Однако только блаженный или лицемер мог утверждать, что доброта способна победить зло без использования силы». Но вслух Булгаков ничего так и не сказал, предоставив солировать этому пройдохе.

– Отец родной! – тем временем кричал Моня. – Сил моих больше нет! Под нож бы всю эту писанину! Ну а писак в теплушки запихнуть, и прямиком на Колыму!

– Филимон, ты у меня договоришься! – пригрозил Платов. – Это же тянет на статью!

– Ан нет! – возразил служитель культа. – Я теперь не под вашей юрисдикцией...

– Вот ты как заговорил! – вскричал Платов и дважды хлопнул в ладоши.

Тут же вбежали секретарь с тёткой и уволокли подвыпившего Моню с глаз долой.

– Вот интересно, прежде ни капли в рот не брал, а тут... Так бывает, когда теряешь связь со своим народом, – философски заметил Платов. – Стоило только покинуть родину... Нет, не хочу больше об этом говорить, – и, помолчав немного, предложил: – А не перейти ли нам в кабинет? Вы что предпочитаете, чай или кофе?

– Зелёный чай, если позволите.

– Прекрасно! Хотя бы в этом мы с вами совпадаем...

«Однако ведёт себя точь-в-точь, как Воланд. И свита вроде подходящая, за исключением Филимона. Он явно не тянет на роль Фагота! Вместо Филимона могли быть взять с собой чёрного кота». И только Булгаков подумал о коте, как вдруг... Нет, никто не замаякал, а потому что в прихожей послышался собачий лай.

– Это привели с прогулки мою овчарку Баффи, – видя испуг на лице Булгакова, пояснил Платов. – А вы что же, предпочитаете котов? Я почему-то так и думал.

Глава 5. Альтернатива для России

За чаем не говорили ни о церкви, ни о котах. Булгаков всё собирался задать один вопрос, но вот, наконец, решился:

– Я хотел спросить, но никак не удавалось... Есть ли в вашей России писатели уровня Гоголя, Достоевского, Чехова, Толстого?

Платов задумался.

– Вы знаете, много их было и в Ленинграде, и в Москве, даже в Сибири талантливые литераторы появлялись. Но почему-то всё ограничилось примерно двадцатью годами, ещё в то время, когда существовал СССР. Ну а теперь... – Платов тяжело вздохнул. – Честно говоря, не знаю, что сказать. В наше время особенно популярно незатейливое чтение. К примеру, дамские романы, детективы и фантастика. Вот и моя жена когда-то увлекалась, пока не разошлись.

– Ну а сами что-нибудь читаете?

– Ох, знали бы вы, сколько мне приходится читать! – рассмехался Платов. – Докладные записки, сводки, сообщения, обзоры... Но если говорить о художественной литературе, то перечитываю классику.

– А современные писатели... Неужели таланты среди них перевелись?

– Тут дело вкуса...

– Однако вкус можно воспитать, причём и хороший, и

дурной.

– И кто же способен воспитать у нашей молодёжи хороший вкус?

– Издатели, литературные критики...

– Это вряд ли, – усмехнулся Платов. – Видите ли, Михаил, у нас в стране рыночная экономика. Поэтому печатают то, что находит спрос. Ну а критики... критики не критикуют, а только хвалят. Это и понятно, поскольку они живут на то, что платят им издатели.

– Не могу поверить, что до этого дошло.

– Увы, так и есть, причём не только здесь, в России, но и за её пределами.

– И вы спокойно об этом говорите?

– Я-то в чём виноват? Предлагаете мне самому писать романы и рецензии?

– Боже упаси!

– Впрочем, вы правы, проблема достаточно серьёзная. Я даже министра культуры в поездку прихватил... Да где ж он там запропастился?

Платов хлопнул в ладоши, дверь отворилась, и вошёл некто в кирзовых сапогах, кожаной куртке с капюшоном и парусиновых штанах на ватной основе, на которых были легко различимы следы чьих-то зубов. Поклонившись Платову, он зыркнул глазом на Булгакова, и сказал:

– Простите, Владим Владимыч, не успел переодеться, – и сел поодаль.

– Ну как там Баффи? – поинтересовался Платов. – Никого не покусал?

– Нет-нет! Вёл себя вполне корректно. Правда, иногда лаял на прохожих.

Платов закивал головой:

– Он у меня так натренирован. Видимо, и здесь полным-полно этих либералов. Хотя мог подобным образом отреагировать и на «Тройной одеколон».

– Ничего такого не было. У меня нюх тоже неплохой.

«Судя по всему, так оно и есть», – предположил Булгаков.

– Тут вот в чём дело, Ростислав! Михаил Афанасьевич настаивает на том, что мы обязаны более активно работать с читателем, воспитывая в нём хороший вкус. Ты можешь подготовить план мероприятий?

– Уже всё есть, Владим Владимыч! И план, и его реализация, и результат.

– А результат-то где? – поинтересовался Платов.

– Да вот же! За вас на прошедших выборах проголосовали почти семьдесят семь процентов.

– Я ему про Фому, а он всё про Ерёму!

– Ну как же! Люди с плохим вкусом не пойдут за вас голосовать.

– Да ты пойми, речь о читателях, а не об электорате.

– Так ведь, Владим Владимыч, у нас неграмотных давно уж нет! Каждый, кто за вас голосовал, когда-то что-нибудь читал.

– Ты договоришься до того, что я тебя уволю! – чувствовалось, что Платов на пределе.

– Позвольте мне!

Булгаков счёл за благо вмешаться в эту перепалку во избежание нежелательных последствий. На пост министра он не претендовал, однако можно было посочувствовать Платову, если он вынужден полагаться на таких чиновников.

– Я хочу напомнить о том, что мы обсуждали полчаса назад. Речь шла о возможностях улучшения человеческой породы. Увы, наука здесь пока бессильна, поэтому ведущая роль в этом деле должна принадлежать культуре.

– Что вы имеете в виду? – поинтересовался Платов.

– Хорошие книги, кинофильмы...

– Что значит «хорошие»? – возмутился министр. – В наших директивных документах нет подобного критерия. Ценность книги определяется реализованным тиражом, ну а для фильмов есть другой показатель – количество зрителей. Тех, что пришли в кинотеатры.

– Надеюсь, только тех, кто досидел до конца? – спросил Булгаков.

– Это не предусмотрено. Мы судим по количеству проданных билетов.

– Вот как! – теперь уже удивился Платов. – Выходит, я ушёл с фильма Михалкова через полчаса, буквально отплываваясь на ходу, а вы меня записали в почитатели этого «таланта»?

– Владим Владимыч! Мы примем меры! Но в штате министерства пока нет нужного количества единиц, чтобы поставить их на выходе из всех кинотеатров.

– Дурдом! – процедил сквозь зубы Платов. – А вы, Михаил Афанасьевич? Что можете нам предложить?

– Мне кажется, достоинства произведений искусства должны оценивать опытные эксперты, критики. Но вы говорите, что у вас их нет...

– Да есть они! Только теперь другие времена. Теперь музыку заказывает тот, кто побогаче. Вот они и пляшут...

– Владим Владимыч, мы финансируем культуру в полном объёме, в соответствии с бюджетом.

– погоди, Славик! Речь ведь не о том, – отмахнулся Платов и обратился к Булгакову: – Так что вас не устраивает?

– Но вы же сами сказали, что вынуждены читать классику...

– Господь с вами! Никто меня не принуждает, просто она мне больше нравится.

– В том-то и дело! Если бы в продаже появлялись книги такого же уровня...

– А что я могу поделаться, если их не пишут?! – завопил министр.

– На самом деле, пишут! – возразил Булгаков. – Не могут не писать! Я по своему опыту знаю, каково это ходить по издательствам и всюду получать отлуп. А всё потому, что неизвестного автора не станут покупать.

– Славик! – распорядился Платов. – Надо срочно навести порядок.

– Владим Владимыч! У нас в России только частные издательства, я не могу им приказать. К тому же издательская отрасль проходит по ведомству Минкомсвязи.

– Это почему? Разве литература не относится к искусству?

– Так уж повелось, Владим Владимыч.

– Неужели нельзя как-то повлиять на этих частников?

– Если только по линии спецслужб...

– Не мели чепуху!

Платов задумался.

– Что же это получается? Талантливые писатели у нас есть, но мы о них ничего не знаем. Так или не так? – обратился он к Булгакову.

– Увы, лишь немногим авторам удаётся найти влиятельного покровителя. Лев Толстой пробился в люди благодаря Некрасову. Другого Толстого обласкали лишь за то, что он бросил сытую Европу, чтобы угождать большевикам. Юрий Герман добился благорасположения Максима Горького. Борис Пильняк... тот очаровал и Горького, и Луначарского. Но для этого нужны какие-то особенные качества.

– Так, Славик! – Платов ткнул указательным пальцем в своего министра. – Вот возвратимся домой, и займёшься этим делом. На Горького ты конечно не потянешь... Ну что ж, хотя бы ознакомься с тем, как работал товарищ Луначарский.

– Владим Владимыч! – взвизгнул Ростислав. – За что мне такое наказание? Когда же мне руководить, если с утра до вечера буду беседовать с этими писаками. Их тьма-тьмущая!

– Иди, работай! И завтра же план мероприятий мне на стол!

«Пустые хлопоты! – огорчился Булгаков, глядя вслед уходящему министру. – Этому до Луначарского, как до Луны!»

Платов тем временем опять задумался.

– Послушайте, Михаил. Допустим, появятся у нас хорошие книги, кинофильмы, театральные постановки. Это всё прекрасно, замечательно! Но сколько же лет пройдёт, прежде чем мы получим нужный результат, прежде чем убедимся, что у нас в стране возникло новое поколение людей? Людей высоконравственных, которые не воруют, не крадут, ответственно относятся к своим обязанностям, а не кричат на каждом углу о своих нереализованных правах.

– Это будет нескоро. Но другого пути нет! – подвёл итог Булгаков.

Глава 6. Свидание у Новодевичьего монастыря

Уже смеркалось, когда Булгаков вышел из дома в Чистом переулке. В голове рождались, исчезали и снова возникали интересные мысли, и хотелось поскорее сесть за стол и взять в руки перо. Тут подошёл трамвай, который шёл на Большую Пироговскую, но, утомлённый многочасовой беседой с Платовым, Булгаков не обратил внимание, что едет не в ту сторону, а по дороге и вовсе задремал...

Вдруг закрипели тормоза, и что-то болезненно ударило в лоб, словно бы трамвай наткнулся на препятствие. «Авария? Вселенская катастрофа?!» Впрочем, во сне чего только ни привидится. Когда Булгаков открыл глаза, он обнаружил, что за окном ночь, трамвай стоит у Новодевичьего монастыря, ну а в вагоне ни души. И только некто с растрёпанными, соломенного цвета лохмами склонился над его лицом, выражая неподдельное сочувствие:

– Как себя чувствуете? Не ушиблись? А я было подумал, что всё, кирдык... Что ж это вы, милейший? Негоже спать по ночам в трамвае, так ведь не проснуться можно. И никакой Платов вам не поможет...

Блондин продолжал что-то говорить, однако странное сочетание нестриженной головы и английского акцента застави-

ло Булгакова усомниться в реальности происходящего. Самое верное средство – это ущипнуть себя, что и попытался тут же сделать. Но в темноте ненароком промахнулся... Раздался дикий крик, и англичанин вывалился из трамвая на заснеженную мостовую. Сидя прямо на снегу, он потирал израненную ляжку и причитал:

– Вот так всегда! Узнаю русских! Ты к ним с открытым сердцем, а они...

Теперь уже Булгаков вынужден был выражать сочувствие:

– Вы извините, это случайно получилось. Вам помочь?

Нестриженный аж подскочил на месте.

– Что? Кому вы это говорите? Мы не нуждаемся в вашей помощи. Мы сами готовы кому угодно помогать! – и уточнил, скорчив презрительную рожу: – Но только не России.

«С чего бы это? Может быть, сбежал из Кащенко? Впрочем, судя по элегантному двубортному редингтону, скорее дипломат или кинорежиссёр. Где-то накачался виски или пивом и вот теперь бродит по ночной Москве, пугая редких пассажиров и прохожих. Хотя, кто знает... Не исключено, что всё это всерьёз». Так размышлял Булгаков, а затем спросил:

– Так чем русские перед вами провинились?

– Ну как же! Вы разве не знаете, что ваши эмигранты мрут у нас, как мухи.

– А мы-то тут при чём?

– My God! Как это при чём? Разве вы не поняли, что Пла-

тов это сатана? Точь-в-точь вылитая копия Воланда!

– Я бы так не сказал, – возразил Булгаков, хотя время от времени и у него возникали такие подозрения.

– Да что тут говорить, не вы ли Шарикова превратили в бродящую собаку?

– Ну, было дело, написал роман...

– Ага! – вскричал англичанин и тут же весьма изящно перескочил на другую тему. – И что вы лично за это получили? Вас и травили в печати, и книги ваши отказываются издавать, вас даже не пускают за границу! Да что говорить, другой на вашем месте давно бы руки на себя... – но спохватившись, замолчал на полуслове.

– Что поделаешь, такова реальность, – тяжело вздохнув, признал Булгаков. – Впрочем, вам-то какое дело до всего этого? Вы, простите, кто?

– Борис, – последовал лаконичный ответ.

– Это который?

– Джексон.

– Не слышал.

– Так я и говорю! Тёмный, необразованный народ! Зачем вы лезете туда, куда не просят?

– Вы про трамвай?

– Не смешно! Это явно не английский юмор, – поморщился нестриженный. – Я говорю про Сирию, про Украину. Зачем вы аннексировали Крым?

– Крым наш! – вскричал Булгаков. – И останется нашим

навсегда.

– Ну вот, и этот начитался кремлёвских методичек! И сколько они вам заплатили?

– Мне деньги платит не Кремль, а Большой театр...

– Ага! Очень ценное признание! Оказывается, и театр вы превратили в филиал Кремля. Или он подчиняется Лубянке?

– Не порите чушь! – Булгакову стоило огромного труда, чтобы удержаться в рамках приличий. – При чём тут Кремль? При чём Лубянка? И какое отношение к России имеет эта Сирия? Там же французы теперь правят, – и криво усмехнувшись, добавил: – Если не умеете пить, сидите дома и помалкивайте! Вам должно быть стыдно! Страна Шекспира и Байрона, а тут...

На этом выяснение отношений следовало бы закончить, но, судя по всему, англичанин имел какой-то план:

– Зря вы так! Я ведь желаю вам добра. Цивилизованный мир должен заботиться о талантливых писателях, – тут он прищурил глаз. – Хотите, сделаем вам Нобелевскую премию?

«Вот неожиданный поворот! А что, если не врёт?» К этой приятной мысли примешивалось недоумение: «Я ведь ещё не дописал "Мастера и Маргариту" ... Нет, это явно преждевременно! И что они ко мне пристали? То Платов, то этот непричёсанный. Что, других писателей у них нет?» Однако на всякий случай поинтересовался:

– А что взамен? Куда вы меня тянете?

– Ах, поверьте, Михаил! Тут нет никакого криминала. Так, сушная безделица. Дело в том, что наша разведка доложила, будто вы пишете роман.

– Допустим.

– Так вот, не могли бы вы слегка подкорректировать сюжет? Ну чтобы мастер с Маргаритой нашли приют не в домике под вишнями, а непременно в Англии. Как вам такая мысль?

– Даже и не знаю. А что, разве в Англии вишни не растут?

– Растут, растут! – радостно воскликнул Джексон. – Более того, сорт «Таи Наку» был завезён в Японию из графства... как его... Ах да, Уилтшир!

– Япония тут при чём?

– Вы правы, бог с ней, с Японией! Проблема в том, что в вашем романе об Англии сказано слишком уж расплывчато, туманно. Кстати, и про лондонский туман могли бы написать так, чтобы всем всё стало ясно. Ну вот, к примеру, – и Джексон процитировал: – «Маргарита тихо подъехала по воздуху к меловому обрыву. За этим обрывом внизу, в тени, лежала река. Туман висел и цеплялся за кусты внизу вертикального обрыва, а противоположный берег был плоский, низменный». Ну что вам стоит указать, что это берег Темзы?

«Действительно, почему бы нет, если человек так просит. Меня от этого не будет, а у читателя не будет возникать вопросов. Можно даже указать улицу и номер дома...» Но

вдруг Булгаков спохватился:

– Пойдите, но вы же сами говорили, что в Англии эмигранты из России мрут... – при этих словах он ощутил, как холодок пробежал по его спине.

– Клятвенно обещаю, что вас... простите, мастера это не коснётся! – взмолился Джексон. – Мы даже поставим полисмена у ворот. Но если всё-таки такая неприятность вдруг произойдёт, определим в самую лучшую больницу.

«Ничего себе, приятная перспектива! Было желание обрести покой, а тут предлагают полежать под капельницей».

– Нет, Англия не подойдёт! – сказал, словно бы отрезал.

Нечёсанный враз переменялся в лице, выпятил нижнюю губу и смерил взглядом писателя с ног до головы. И даже белобрысые лохмы Джексона теперь выглядели так, как будто прикрывали маленькие рожки. «Вот этот точно похож на сатану, – к такому выводу пришёл Булгаков. – Словно бы прикидывает, умещусь ли в гроб, и не надо ли меня слегка укоротить. Да вот и кладбище тут неподалёку. Место для погребения почётное, никто не спорит, однако хотелось бы ещё пожить».

– Ладно, – процедил сквозь зубы Джексон. – Нет так нет, ничего тут не поделаешь. Вспомните про меня когда-нибудь, но будет поздно, – и добавил уже более миролюбивым тоном: – Ведь вы же с Украины, вы киевский! Чего вам за Москву цепляться?

– Мне и здесь не так уж плохо.

– Чёрт с вами! Счастливо оставаться! – сказал, не глядя на Булгакова, сунул ему в руку визитную карточку и сгинул в темноте.

«К чему бы это? Может быть, какой-то знак? Стоило появиться на Патриарших этому трамваю, тут всё и началось! И почему этот Джексон упомянул о Платове? Неужели англичане тоже шляются во времени туда-сюда? И уж совсем неправдоподобно, чтобы Платов появился здесь только для того, чтобы побеседовать со мной».

Чем дольше Булгаков размышлял, тем больше возникало у него вопросов. Он тяжело вздохнул и пошёл по Пироговке к дому № 35а, где снимал квартиру. И только дойдя до него, сообразил, что на дворе теперь 1937-й год, и живёт он в Нащокинском переулке, а не здесь. Вот до чего доводят эти неожиданные встречи с посланцами из другого времени! Ну что ж, придётся пешком тащиться на Пречистенку, поскольку трамваи, к сожалению, уже не ходят.

Глава 7. Предчувствие беды

Той ночью в квартире, что располагалась на третьем этаже дома в Чистом переулке, никто не спал. Это и понятно – времени до отъезда оставалось чуть, а предстояло сделать ещё многое. Итак, секретарь, держа наготове маузер, сидел в прихожей и прислушивался к шорохам за входной дверью. Глава Минкульта трудился над составлением очередного канцелярского шедевра под названием «План мероприятий». Филимон, как и положено ему, молился, запершись в кладовке. Ну а зелёное трико сушилось на верёвке в ванной комнате, в то время как его владелица, завернувшись в простыню, заучивала наизусть речь, с которой ей предстояло выступить через пару дней, сразу по возвращении домой. И только Платов занимался важным делом. Что же его так озаботило, если вынужден был даже отказаться от сна?

В самом деле, для этих «временных кульбитов» должна быть более серьёзная причина, чем беседа с талантливым писателем. И причина была, причём, если не уделить ей должного внимания, всё может закончиться весьма плачевно и для него, и для страны, – по крайней мере, Платову так казалось, когда он отправлялся в это путешествие. Его беспокоила мысль, что могут повториться события 1923-1924 годов, когда возникла опасность заговора внутри Политбюро, даже появились слухи о планах военного переворота, который за-

мышлял Лев Троцкий. А что если и сейчас? Ведь после изменения состава правительства, что будет сделано вскоре после инаугурации, неизбежно появится много недовольных. В таких условиях заботы о культуре отодвигались на второй план, но вместе с тем, он никак не мог избавиться от мысли, что Булгаков прав. Да, многое в сфере пропаганды и культуры делается по шаблону, без выдумки, без должного интереса к результату, который может быть достигнут, увы, только через много лет. Проблема в том, что тогда уже не с кого и некому спросить, а если у чиновников нет страха получить по шее за содеянное, наивно ожидать просветления в их головах.

Увы, попали не в тот год, не в двадцать пятый – этот год его интересовал, поскольку к тому времени в верхушке партии вроде бы всё успокоилось, и самое время делать выводы. Ну а теперь, коль скоро промахнулись, надо бы использовать возможность из первых рук узнать о том, что готовилось в тридцать седьмом. Чем чёрт не шутит, может быть удастся что-то крайне важное узнать, чтобы потом на практике применить полученную информацию. К этому решению подталкивало и то, что случилось сразу после выборов.

Дело в том, что как раз накануне отъезда из Москвы, утром девятнадцатого, звонит патриарх – даже не дал выспаться после бессонной ночи. «Караул! – кричит. – Владим Владимыч! Вы набрали 76,66 процента!» «Ну и хорошо. Я же надеялся только на три четверти». Опять кричит: «Так

666 – это же число зверя! В Библии упоминается ажник четыре раза. Никак нельзя этого допустить!» И впрямь, непорядок. Пришлось срочно вмешаться: председателю ВЦИК поставили на вид. Константину Эрнсту за то, что не смотрит информационные программы на своём телеканале, – предупреждение о неполном соответствии. Ну а цифирь немного подкорректировали, так, самую малость. Но после этого помощники вдруг в один голос завопили, что поездку надо отменить. Будто бы плохой знак, и всё такое в том же роде. Знают же, что не в его правилах отступать, а всё равно лопочут. Одно верно: следует быть настороже.

Он достал из шкафа металлический кейс, положил на письменный стол и откинул крышку. На вид это был обычный ноутбук – дисплей, клавиатура, видеокамера... Однако вот Платов проделал несколько манипуляций с кнопками, и через несколько минут тьма словно бы сгустилась в углу комнаты, и вот из этой тьмы возник полупрозрачный гражданин – сам в исподнем, а на голове офицерская фуражка. Гражданин стоял, вытянув руки по швам, и, заикаясь от волнения, что-то лепетал, но разобрать слова было невозможно. Да и сама его фигура болталась из стороны в сторону, как от сквозняка.

– Твою мамзель! – не сдержался Платов. – Опять голограмма неустойчивая. Когда вернусь домой, уж я им вставлю по первое число!

Но вот всё успокоилось, и наконец-то можно начинать бе-

седу:

– Ну что, товарищ Тухачевский? Как вам спится? Кошмары пока не беспокоят по ночам?

– Никак нет, товарищ Сталин! Сплю, как сурок, – отвечал гражданин в исподнем. – Но если надо, через полчаса буду на своём рабочем месте. Если только позволите одеться...

– В этом нет необходимости. Передовая советская наука позволяет нам общаться не только по телефону, но и так, в пределах видимости, хотя я нахожусь в Кремле, а вы у себя дома в Богоявленском переулке.

Действительно, в квартире маршала Тухачевского сначала раздался телефонный звонок, а затем случилось почти всё то же самое, что и в комнате, где находился Платов – полупрозрачная фигура так же внезапно появилась в углу, вот только маршал увидел не Платова, а Сталина, причём не в исподнем, а в обычном кителе и в штанах, заправленных в яловые сапоги. Но самое важное – Платов говорил своим обычным голосом, а Тухачевский слышал привычный всем акцент и интонации генсека. Тут нет ничего удивительного – наука двадцать первого века идёт вперёд семимильными шагами, опережая все иные сферы жизнедеятельности человека.

– Товарищ Тухачевский! Мы тут кое с кем посоветались... А не пора ли вам заменить товарища Ворошилова на посту наркома обороны?

– Если партия доверит...

– Раздаются даже голоса, что вы вполне способны спра-

виться и с обязанностями генерального секретаря. Как вам такая перспектива?

– Нет-нет, товарищ Сталин! – вскричал маршал, замахав руками. – Эта должность не по мне. Я ведь солдат и только.

– Все мы солдаты партии... Ну а если всё же допустить этот вариант, какую работу вы бы предложили Сталину?

– И в мыслях не было такого...

– Что ж, даже пенсии не назначите?

– Товарищ Сталин! Вы шутите?

– Какие уж шутки, если речь идёт о руководстве партии...

– Даже и не знаю, что сказать.

– А вы скажите, что говорили товарищам Якиру и Уборевичу во время тайной встречи в Ленинграде.

– Да почему же тайной? Мы регулярно общаемся...

– Ах так! Наверное, обсуждаете и то, что творится в государстве.

– Товарищ Сталин! Как без этого? Все наши мысли о том, как улучшить положение в стране...

– Выходит, Политбюро с этим не справляется?

– Да нет! – опять маршал вскинул руки, изображая несогласие. – Я не то хотел сказать... Дело в том, что мы хотим, как лучше.

– Ваше желание понятно. Но возникает вопрос: лучше для кого?

– Для страны, конечно, для советского народа.

– Это благородная цель. Но как совместимо с благород-

ством то, что вы шушукаетесь за моей спиной?

И в Чистом переулке, и в Богоявленском стало тихо. Похоже, маршал пытался подобрать подходящие слова, но нелегко собраться с мыслями, если стоишь босиком на холодном полу, переступая с ноги на ногу. В темноте куда-то подевались шлёпанцы, а тут ещё генсек задаёт вопрос, на который нет ответа.

Платова именно это занимало: сможет ли человек, припёртый к стенке фактами и аргументами, вывернуться из такого положения? Какие способы для этого найдёт? А ведь Тухачевский весьма опытный, изошрённый тактик, что и доказал в гражданскую войну.

Причина такого интереса состояла в том, что ещё несколько лет назад возникло ощущение опасности. Выступления непримиримой оппозиции его мало волновали – тут враг не скрывает своего лица, и потому можно найти способ, как его нейтрализовать. Но если тебе крепкожимают руку, преданно смотрят в глаза, и вообще – говорят только приятное... Тогда рано или поздно начинаешь чувствовать: что-то здесь не то. Не может быть так, что они со всем согласны – со всем, что бы он ни предлагал. А если молчат, не возражают – что бы это значило? Либо им на Россию наплевать, поэтому готовы исполнять даже ошибочный приказ. Либо скрывают несогласие, и что тогда? Тогда возможно всё, вплоть до подготовки дворцового переворота. Ну а повод найдётся – например, его болезнь. Или вот, например, – невозможность

исполнять свои служебные обязанности...

«О, господи! Как же я не сообразил?» Только сейчас он понял, что «число зверя» выплыло в результатах выборов не зря. Это ни что иное, как предостережение, посланное ему свыше. Нельзя было оставлять Россию без присмотра даже на три дня! И что же теперь делать?

Платов уже не обращал внимания на то, что там лопочет Тухачевский. Завтра проснётся и ничего не вспомнит. Можно выключать прибор – он уже всё понял, а дальнейшее не интересно.

Итак, нужно срочно сворачиваться! Платов дважды хлопнул в ладоши, и через мгновение перед ним стояли секретарь с маузером и дама в простыне.

– Галочка! Собирай чемоданы, мы возвращаемся домой, – и уже обращаясь к секретарю: – Митя! Надеюсь, что трамвай стоит, что называется, «под парами» на Пречистенке?

– Владим Владимыч! Так он же в Краснопресненском депо на техобслуживании.

– Ну вот опять! – всплеснул руками Платов. – Почему я должен соображать один за всех за вас? Ноги в руки и бегом в депо!

– Так ведь метро ещё не работает! – попробовал оправдаться секретарь.

– Чтоб через полчаса доложил мне о боевой готовности! Митя пулей вылетел из комнаты, а за ним, путаясь в простыне, последовала Галочка. Она была уже в дверях, когда

Платов прокричал вдогонку:

– И Филимону скажи, чтобы помолился за меня.

Глава 8. Диверсия в депо

Мите жутко повезло – ему удалось поймать «попутную». Это была водовозка, возвращавшаяся с пожара, причём ехал он, сидя верхом на цистерне, поскольку в кабине свободного места не нашлось. Водитель получил червонец, и было обещано вдвое больше, если домчит за пять минут. Включив сирену, он гнал так, что водовозка на поворотах вставала на два колеса, грозя сбросить щедрого клиента. Но обошлось – Митя чудом удержался.

Вылетев на Садовое кольцо у Зубовской площади, машина, не снижая скорости, ринулась в сторону Тверской, игнорируя постовых и светофоры. Однако на площади Восстания водитель изменил маршрут – стало ясно, что он рвался на Ходынку. Походя напугав зверей в единственном столичном зоопарке и подняв с постели жителей Пресненского вала, водовозка сделала вираж, пролетела метров двести по Ходынке и вдруг завизжали тормоза. Машина встала, из радиатора валил пар, а водитель тяжело дышал – успокоился он, только получив долгожданные червонцы.

И вот Митя у ворот депо. Проникнуть не территорию не составило труда – сторож спал, не выпуская из рук недопитую бутылку водки. Одно это уже насторожило Митю. А тут ещё за угол метнулся кто-то в чёрном редингтоне. Это был тот самый белобрысый, непричёсанный субъект, кото-

рого давеча заметил Филимон, когда следил по собственной инициативе за Булгаковым. Ещё предстояло выяснить, о чём они там беседовали у Новодевичьего монастыря.

Увы, предчувствие секретаря не обмануло – одна из рес-сор трамвая лопнула, а токоподъёмник оказался искорёжен самым непотребным образом. В иной ситуации можно было бы на это наплевать, позаимствовав другой трамвай, однако для путешествия во времени трамвай маршрута № 28 не годился, так же как и все другие номера.

В час ночи рассчитывать на то, что удастся вызвать ремонтную бригаду – это была чистая утопия! Митя воспользовался телефоном, вынув его из-под головы невменяемого сторожа, и сообщил Платову горестную весть. Тот помолчал немного и приказал: «Возвращайся!»

К счастью, водовозка стояла на прежнем месте. Причина оказалась до безобразия проста – экипаж был в стельку пьян. Видимо, разжиться самогоном или водкой для них не составило особого труда. Пришлось за руль садиться Мите, а из пожарных сделать что-то вроде сэндвича, уложив одного служивого на другого – иначе в кабину не протиснуться.

Тем временем, Платов уже прикидывал в уме, как бы привлечь сотрудников НКВД для того, чтобы уладить это дело. Можно было, конечно, позвонить прямо на Лубянку и намекнуть на некие, почти «родственные» связи, но ведь не поверят, не поймут! Если же просто сообщить, что в трамвайном депо произошла диверсия, это тоже не поможет – ведь

главное, чтобы срочно привели в божеский вид трамвай, а злоумышленника наверняка и след простыл. Поэтому пришлось поступить иначе – использовать кое-какие возможности спецтехники, но уже без голографии. Для этой операции Платов выбрал Льва Миронова, главного контрразведчика страны. Однако позвонить ему решил от имени Лазаря Кагановича – нельзя же всякий раз эксплуатировать образ Сталина. А тут среди ночи звонит нарком путей сообщения, к тому же секретарь ЦК, и требует расследовать происшествие в Краснопресненском депо и организовать ремонт трамвая. Миронов, назначенный на свой пост всего три месяца назад, кочевряжиться не станет, будет выслуживаться перед начальством из ЦК. Тут главное, чтобы сотрудники НКВД срочно доставили на место ремонтную бригаду. Будет плач, прощание с семьёй, но это ненадолго...

Конечно, есть риск – могут разобрать трамвай до винтика в поисках улик. Но тут ведь поступило указание произвести ремонт! Так что в этой ситуации вполне можно надеяться на то, что обойдётся без нежелательных последствий.

После звонка Миронову всё и началось. На место происшествия прибыла рота солдат, которая взяла под охрану территорию. Ну а пока ремонтники устраняли повреждения, дознаватели из НКВД взяли в оборот тамошнего сторожа. К счастью, похмелье оказалось не особенно тяжёлым, и после того, как его несколько раз сунули головой в снег, бедняга смог описать субъекта, который и подложил ему свинью в

виде закупоренной бутылки водки. Когда же сторож вспомнил про иностранный акцент, почти такой же, как у импресарио Любови Орловой в фильме «Цирк», всю мощь столичной милиции и спецслужб направили на поиски диверсанта. Тут же словесный портрет негодяя сообщили постовым, на все железнодорожные вокзалы и на Центральный аэровокзал, что на Ходынке. Уже через полчаса по московским улицам сновали чёрные «эмки» с оперативниками НКВД, которые задерживали всех белобрысых и нечёсаных и отправляли в КПЗ.

К утру трамвай был отремонтирован, однако в отличие от большинства своих собратьев, которые с некоторым опозданием всё же отправились по маршрутам, он по-прежнему оставался не у дел. Проблема заключалась в том, что чекисты не торопились покидать территорию депо – возможно, надеялись найти диверсанта в каком-то закоулке. Так что возвращение Платова домой опять откладывалось, то есть назревала катастрофа. Единственное, что могло помочь – это скорейшая поимка злоумышленника. И тут невозможно было обойтись без участия Булгакова – только он общался с белобрысым, только он мог подсказать, как его найти. Остальное – дело техники.

Митя дежурил у депо, Моня продолжал молиться, ну а глава Минкульта занимался привычным делом – выгуливал хозяйского пса и заодно набирался впечатлений. По правде говоря, в эту поездку он напросился сам – причина бы-

ла более чем уважительная. Все знали, что министр с детских лет увлечён историей Отечества, опубликовал несколько книг под общим названием «Мифы о России» и вот теперь задумал сочинить новый миф, на этот раз о Сталине. Потому и таскал за собой несчастного пса – от Пречистенки до Арбата, от Арбата до Тверской, – прислушиваясь к разговорам и фиксируя в памяти наиболее характерные примеры наглядной агитации на домах и на заборах.

Теперь понятно, что Платову не оставалось ничего другого, как послать в Нащокинский переулок, где располагалось общежитие писателей, Галину – в конце концов, не идти же самому! Поверх ещё влажного после стирки зелёного трико она надела брюки клёш и матросский бушлат, а вот бескозырку натянуть не решилась – предпочла элегантную чёрную шляпку с вуалью, позаимствовав её из гардероба хозяйки квартиры вопреки запрету Платова. К счастью, в этот ранний час москвичи спешили на работу, а тут ещё трамваи куда-то подевались, так что было не до неё, хотя в иных обстоятельствах Галина при таком наряде вполне могла бы оказаться в «жёлтом доме». Вот и Булгаков наотрез отказался идти рядом с ней, потребовав соблюдать дистанцию. Однако чего не сделаешь, чтобы выполнить приказ! Ей-то самой всегда был противен этот неудачливый писака – не будь распоряжения начальства, она бы его за километр обходила.

– Тут вот какое дело, Михаил, – так Платов приветствовал Булгакова, когда того доставили в Чистый переулок. – Без

вас мы, как без рук.

– Весьма лестно для меня, но чем же я могу помочь? Если только написать фельетон или сатирическую пьесу...

– Да нет, здесь закручивается такой сюжет, что ни я, ни вы не сумели бы ничего подобного придумать. Мне так кажется. А потому что задействованы неизвестные нам потусторонние силы...

– Неужели сатана опять в Москве?

– Господь с вами! – перекрестился Платов. – Я про тех, кто на другой стороне Ламанша, а быть может, и гораздо дальше, за Атлантикой.

Булгаков тут же вспомнил белобрысого, его акцент и рассказал всё, как было, не дожидаясь, когда начнут взывать к его патриотическим чувствам или давить на психику. Платов это оценил и познакомил Булгакова с тем, что узнал о ночном происшествии в Краснопресненском депо.

– Теперь вы понимаете, что всё дело упирается в вас? Вы единственная ниточка, которая приведёт нас к этому Борису. В противном случае мы останемся здесь навсегда со всеми вытекающими, крайне печальными последствиями. Вы этого хотите?

– Ни в коем случае! – вскричал Булгаков и, пошарив в карманах, достал визитную карточку, которую сунул ему Джексон. – Вот!

Какие будут последствия, нетрудно было догадаться. Повальные обыски, комендантский час, объявление войны

Японии... И всё из-за того, что в столицу невесть откуда прибыл трамвай с шайкой злоумышленников, готовящих госпереворот. А закончится тем, что во всём обвинят кого-нибудь из высшего командного состава армии. К примеру, Якира или Тухачевского...

Пока Булгаков рассказывал о том, что случилось у Новодевичьего монастыря, подошёл и секретарь. Митю отозвали из депо, чтобы дать немного обогреться – ночью мороз доходил до двадцати градусов. Видимо, Митя простудился, потому что непрерывно кашлял.

– Так, Борис Джексон, – Платов прочитал то, что напечатано в визитной карточке. – Здесь не только телефонный номер, есть и адрес... – и вдруг ткнул пальцем в своего секретаря: – А не тот ли это Джексон, что попытался нагадить в нашу избирательную кампанию?

– Вряд ли, Владим Владимыч. Нагадить англичане могут, но чтобы перемещать это во времени...

– Ты прав, Митя, им это слабо! И всё же присмотрись. А может, это он? Вот вместе с Михаилом и поезжайте... Как тут сказано? Большой Козихинский, дом 15, квартира 7...

– Я знаю этот дом! – закричал Митя, для убедительности хлопнув себя по лбу. – Да-да! Его построили в тридцать первом для инспекторов из Западной Европы, они у нас налаживали производство то ли калош, то ли автомобилей, уж и не помню. Но это означает, что Джексон может обретаться там на вполне законных основаниях, – и опять закашлялся.

– Митя! Ты бы сходил к врачу, – сжалился Платов. – А то не ровён час...

– Ой, Владим Владимыч! Я как вспомню наши московские поликлиники, так хочется сразу на кладбище ползти...

– Что так? Не рановато ли? – удивился Платов. – И чем же тебя достала наша медицина? Тем более, что к Кремлёвке прикреплён.

«Ах, не ко времени это разговор! Однако интересы простых людей всегда были и остаются в приоритете у правительства». Так рассуждал Платов, позволив секретарю отклониться от заданной темы. А Митя продолжал рассказывать о том, что наболело:

– Владим Владимыч! Ведь в этой Кремлёвке, как ни придёшь, врачи предлагают полный курс обследований, от темечка до самых пяток. «А вдруг у вас там... А вдруг у вас это... А нам потом перед президентом отвечать». Да после таких заявлений жить не хочется! Я уж не говорю про то, что фармацевты устроили на нашем телевидении. С утра до вечера твердят о болезнях, мол, беги скорей в аптеку, покупай лекарства, а то до зарплаты не доживёшь!

– Ну вот, теперь и телевидение тебе не по душе. Видать, сильно простудился! Ну а врачей и фармацевтов следует понять, поскольку им тоже надо как-то зарабатывать.

Похоже, Митю этот аргумент не убедил:

– Извините, Владим Владимыч! Я пойду луком подышу. Ещё деду моему это средство помогало, поэтому и обходился

без врачей.

– Ну что ж, пять минут тебе на процедуры, – Платов позволил Мите уйти и обратился с предложением к Булгакову: – Так что, Михаил, готовы встретиться с этим Джексоном?

– Честно говоря, не хотелось бы. Уж очень мерзкий субъект! Но если надо для дела...

– Тогда вот вам телефон, договаривайтесь о встрече и соглашайтесь на всё. Он сразу же вас пригласит к себе, пока вы не передумали. Там мы его и возьмём.

– А нельзя ли ограничиться телефонным разговором?

– Никак нельзя! Вы же должны подписать с ним договор. Пусть он там всё пропишет, аванс, отступные и всё такое прочее.

– Надеюсь, подписывать буду не кровью?

– С чувством юмора у вас всё в порядке, кто бы сомневался.

Платов улыбнулся, однако ни его, ни Булгакова не покидала тревога – кто ж знает, как оно получится?

Глава 9. Дознание в Большом Козихинском

Это случилось несколько лет назад, когда жена приревновала Митю к своей подруге. Затем последовал развод, и вот теперь она с детьми в Париже, а он не может до сих пор понять, почему всё это с ним случилось. «Подумаешь, с кем-то переспал! Зачем же делать такие поспешные оргвыводы?»

Он вспомнил тот день. Обычная суета, от которой к вечеру возникает ощущение, будто руки пишут помимо воли, язык сам раздаёт указания, а в голове кто-то устроил гонки на выживание – ещё чуть-чуть и всё может закончиться аварией. Понятно, что идти в таком состоянии домой нельзя – сил нет снова выслушивать упрёки в том, что «недостаточно уделяешь внимания воспитанию детей», что «твои деньги никому не нужны, если нет самого главного – любви»... Да пропади оно всё пропадом! Поэтому и поехал к Регине – она давно ему намекала, что не прочь кое-что обсудить, причём в интимной обстановке...

За окном лаяли бродячие собаки, в комнату проникал дымный запах от горящего костра, который где-то поодаль разожгли бездомные бродяги. Регина ползала на коленях по дивану, пытаясь изобразить страсть, но ничего не получалось. Полные груди свисали вниз как гипертрофированные

виноградины, своим видом вызывая у Мити лишь ощущение оскомины во рту. Едва прикрытый кружевными трусиками зад пробуждал смутное желание шлёпнуть по нему чем-то достаточно твёрдым и увесистым, а покрасневшее от выпитого вина лицо безмолвно вопрошало: «Ну, так как, неужели это тебя не возбуждает?» Шёл второй час ночи, а ещё предстояло добираться до дому...

И вот теперь он снова там, стоит у подъезда, но не решается войти. А вдруг произойдёт невероятное? А вдруг Регина поджидает его в своей квартире, чтобы снова попытаться совершить насилие над личностью? Ну кто поверит, что случайно всё сошлось – и тот же дом, и та же квартира на втором этаже? У Мити возникла мысль, что дело тут не чисто, что не обошлось без вмешательства сатаны. Да ничего другого и не может в голову прийти, когда простужен!

Булгакова тревожило совсем другое. Митя хоть и пришёл без кожанки и без маузера, однако, судя по его решительному виду, дело может дойти до потасовки. А за нападение на инспекта могут приписать измену Родине. Вот ведь Николай Эрдман был отправлен в ссылку лишь за басни...

Когда поднялись на второй этаж, Митя позвонил, но тут же отошёл в сторону – если этот Джексон глянет в щёлку, пусть раньше времени не беспокоится, ну а потом уж будет поздно. Так и получилось. Через несколько минут белобрысый, связанный по рукам и ногам, сидел на табурете, а Митя, держа руку на телефонной трубке, ехидно спрашивал:

– Так куда звонить? В милицию или вам приятнее дело иметь с НКВД?

Джексон, не ожидавший такого поворота, что-то промычал на английском. Затем взглянул на Булгакова:

– От вас я никак не ожидал. Интеллигентный человек, а позволяете себе подобные шутки.

– Это не шутка, – уточнил Митя. – То, что пытались соблазнить Михаила Афанасьевича, склонить к предательству, это мы простим. А вот повреждение госимущества в Краснопресненском депо наверняка будет расценено следствием, как диверсия. Как вам такой расклад?

– Я иностранный гражданин, – залепетал нечёсанный.

– И что? Если бы мы с Великобританией были в состоянии войны, вас бы отправили в Сибирь, на лесоповал. Ну а со шпионами и диверсантами, которые скрываются под личиной инспектов, у нас короткий разговор! – и снова спросил: – Так как?

«Толково ведёт допрос», – подумал Булгаков. И тут же Джексон сдался:

– Чего вам надо?

– Мне лично? Ничего! Это надо вам. А мне просто любопытно, как вам удалось перемещение во времени. Ехали на подножке нашего трамвая?

Тут надо пояснить, что Митя, взглянув на инспекта, сразу признал в нём того самого британского пройдоху, который обвинял Россию во всех смертных грехах – это было накану-

не президентских выборов. Так что прежде, чем передавать его в НКВД, во всём следовало разобраться. Тем временем, Джексон о чём-то размышлял, но вот, наконец, решился:

– Чёрт с вами! Мне моя жизнь больше дорога, чем все эти интриги ваших и моих соратников.

– Вы это о чём? – удивился Митя.

– Да всё о том же! – усмехнулся Джексон. – Кое-кто там, у вас... в Кремле, в Белом доме или на Лубянке, надумал отстранить Платова от власти.

Митя и сам не понял, что больше всего в этих словах его обидело. Вот если бы Джексон сказал, что заговор возник в РОСНАНО или в Сколково, он бы ничуть не удивился. Даже в правительстве есть несколько человек, которым не стоит доверять. И на Лубянке, и в Ясенево прежде встречались люди, которые за деньги могли бы Родину предать. Но подозревать в интригах ближайшее окружение президента... Это уж точно непростительно!

– Врёшь, гадёныш! – Митя замахнулся телефонным аппаратом, но Булгаков успел его остановить...

Когда Джексона снова усадили на табурет, на нём лица не было. Дрожащим голосом он стал рассказывать о том, как в Лондоне к нему обратился некто, прибывший из России. В МИ-6 заверили, что ему можно доверять. Этот человек сообщил, что во власти сложилась оппозиция Платову, замыслили госпереворот. Ну а поскольку Лондону это явно на руку, почему бы не помочь хорошим людям, которые с уваже-

нием относятся к европейским ценностям и институтам. Всё было настолько убедительно, что Джексон согласился. И вот теперь ничего изменить уже нельзя.

– Ребята! Вас же нарочно закинули в тридцать седьмой год! В двадцать пятом вы бы ещё выкрутились, а в тридцать седьмом, при Ежове – всё, хана!

– Но почему именно вас выбрали для этой акции? – допытывался Митя.

– Это объясняется очень просто. Среди московских инспецов оказался инженер, внешне очень похожий на меня. Он уже третий день сидит здесь, в кладовке. Я иногда его подкармливаю – британец как-никак.

– Такой же нечёсанный, как вы?

– Это деталь, на которую никто не обратил внимания, – отмахнулся Джексон.

– Каким же образом перебрались сюда из Лондона?

– Вы меня удивляете! Да за большие деньги вас кто угодно сдаст – и Платова, и директора ФСБ и даже Госдуму в полном составе... Вот и среди разработчиков этого вашего спецтрамвая нашлись покладистые люди, которые изготовили копию специально для меня. Правда, на трамвай у них не хватило ни времени, ни сил, поэтому я отправился в путь... Как же это называется? Ах да, мотодрезина. Не очень комфортно, продувает со всех сторон, но долетел.

– А как она к вам попала?

– Ну это ж не баллистическая ракета! Переправили в од-

ну из прибалтийских стран, и там, с территории британского посольства я и стартовал.

– И где же теперь эта самая дрезина?

Джексон покачал головой и улыбнулся:

– А вот этого я вам не скажу!

– Думаете, ещё пригодится?

– В НКВД тоже есть предприимчивые люди. А фунты стерлингов везде в ходу.

Булгакову показалось, что Мите уже нечем крыть, то есть всё, приехали! Но он ошибся.

– Да, всё довольно убедительно, но одного вы не учли. К тому времени, когда выйдете с Лубянки, окно во времени исчезнет. Оно ведь открывается всего лишь на три дня...

Тут случилось то, чего ни Булгаков, ни Митя не могли предвидеть. Нечёсанный сначала поднял брови, разинул рот, а затем едва не свалился с табурета – теперь уже от хохота.

– Три дня? В том-то и дело! Они вас надули, намеренно лажу вам подсунули. Да, да! Всё сделано для того, чтобы вы не успели возвратиться назад, если с трамваем что-нибудь случится. Затем арест, допросы на Лубянке, и всё! *Finita la commedia!* А я смогу задержаться здесь хоть на целую неделю, а потом спокойненько уеду на дрезине.

– Допустим, – Митя прикусил губу, а затем видимо что-то придумал и, криво усмехнувшись, спросил: – Но почему вам, британскому интеллектуалу, не пришла в голову мысль, что они и вас надули? На чём основана ваша уверенность

в том, что время пребывания здесь для вас ничем не ограничено? Вы что, разбираетесь в физике или участвовали в экспериментах? А как вам такой вариант развития событий: если вы останетесь здесь навсегда, с вами и концы в воду, а ваше исчезновение можно списать на русскую разведку – похитили, пытали и, получив нужные сведения, отправили в мир иной... Вот как сейчас, без каких-либо гарантий на возвращение домой.

Джексон молчал. В его голове пронеслись события последних дней, когда всё складывалось весьма успешно, а после возвращения вполне можно было рассчитывать на пост премьер-министра, и вот... «Действительно, зачем я им буду нужен после того, как выполню задание? Исполнителей всегда убирают – так было и после убийства Кеннеди, а тут ведь предполагается устранение не кого-нибудь, а Платова... Официально объявят, что русские меня убили, труп расчленили и раскидали кусочки по мусорным бакам на окраинах Лондона, где-нибудь в Ист-Энде... Ох же я и дурак! Надо ж было так купиться!» А вслух сказал:

– Готов сотрудничать.

Митя вызвал по телефону такси, и уже через полчаса вся троица благополучно добралась до квартиры в Чистом переулке.

Глава 10. Совет в Хамовниках

– Борис! Какая встреча! Если б вы знали, как я рад! – Платов сделал вид, что готов прижать Джексона к своей груди, но тот вежливо отстранился и плюхнулся в кресло, не дождавись приглашения. Это и понятно, ситуация не располагала к соблюдению этикета, да и порядком подустал – участие в допросе отнимает много сил, особенно, когда самого тебя допрашивают. И уже после того, как сел, закинув ногу на ногу, ответил:

– Догадываюсь, что вы довольны действиями своих подручных, господин президент. Но не могу сказать того же о себе.

– Я вас понимаю! Наверное, вы предпочли бы сдать НКВД, а не попасть в руки главы «кровавого режима».

– Да нет, мы тут с вашим Малютой Скуратовым поговорили, и он меня кое в чём убедил... В общем, похоже, что мы оба оказались в дураках.

– Ещё не вечер! Бог даст, что-нибудь придумаем, – и Платов, обращаясь уже к Мите, спросил: – Так о чём договорились?

Митя в подробностях пересказал всё то, что случилось в Большом Козихинском переулке, и затем добавил:

– Я бы ему не доверял. В любой момент может что-то учудить.

– Это уж само собой. Кто бы сомневался! – согласился Платов, усаживаясь в кресло.

Как ни странно, Джексон не пытался возражать, и на какое-то время в гостиной воцарилась тишина. Митя, сидя на краешке стула, нервно покусывал ноготь, а Платов о чём-то размышлял, изредка бросая взгляд на Джексона.

– Итак, что же мы имеем? – эти слова Платов произнёс, глядя в окно на Чистый переулок, словно бы там находился некто, способный дать ответы на вопросы, которые поставили перед ним события последних нескольких часов. – Весьма вероятно, что в Москве готовится госпереворот. Весьма вероятно, что Бориса направили сюда мои враги, которых ещё предстоит выявить. К счастью, повреждения нашего трамвая устранены, однако мы пока не можем воспользоваться им для возвращения, поскольку он находится на территории депо, где полным-полно чекистов.

– Возможно, они уже ушли, – заметил Митя.

– Нет, Филимон недавно доложил, что всё по-прежнему. Далее, есть какая-то мотодрезина, но мы не можем быть уверены, что возвратимся на ней домой. Чем чёрт не шутит, а вдруг закинет нас куда-нибудь в раннее средневековье, когда в этих местах бродили только бурые медведи? Как вам такая перспектива, Борис?

– Нет, не думаю, что эта мотодрезина способна переместить нас на два тысячелетия назад, – угрюмо ответил Джексон, покачивая головой. – Перед отправкой мне пояснили,

что у таких устройств пока крайне ограниченный радиус действия. – И вдруг оживился: – Кстати, а как это к вам попало? Вроде бы в Штатах ничего такого нет, иначе давно бы устраивали турпоездки в Древний Рим на схватки гладиаторов или во времена Дикого Запада, когда можно было вволю пострелять, не опасаясь наказания. Послушайте, а может, это оборудование вы нашли на месте падения Тунгусского метеорита? Тогда обязаны поделиться с нами – ведь это же чистая случайность, что он упал в Сибири, а не в Уэльсе или же в Шотландии. Лично у меня нет никаких сомнений, что и трамвай, и мотодрезина являются достоянием всего цивилизованного человечества!

– Вы опять спешите с выводами, – усмехнулся Платов. – Должен вас огорчить, это советская разработка, доведённая до ума уже в наше время. И к инопланетянам она не имеет никакого отношения.

– Тогда понятно, почему использовали этот допотопный трамвай. Ничего приличнее не могли придумать? – Джексон откинулся на спинку кресла, изображая на лице сочувствие, смешанное с презрением. – А вы уверены, что на нём мы сможем возвратиться назад?

– Успокойтесь! Руководителю проекта я полностью доверяю, мы с ним давно знакомы, ещё с того времени, когда я работал в КГБ. Он лично проверил всё оборудование, и к этому трамваю больше никого не подпускали. Вот и сейчас он под охраной, что немаловажно. Мало ли что может с ним

произойти!

– Но как же... – заикнулся было Митя.

– До полуночи ещё есть время. В конце концов, мы можем пробраться в депо под покровом темноты, нейтрализовав охрану. Понятно, что об убийстве речь не идёт, но у нас припасены кое-какие средства, – сообщил Платов и со значением посмотрел на Джексона.

– Ну если так, тогда я спокоен, до ночи можно и поспать, – Джексон потянулся, однако выглядело это не вполне естественно.

– Напротив, всё только начинается. Если мы не сможем узнать, кто участвует в заговоре, если не раскроем их планы, тогда возвращаться опаснее, чем оставаться здесь. Нас могут встретить сразу после «приземления», или как там это называется. В заговоре участвуют весьма серьёзные люди, и они наверняка подготовили запасной вариант на тот случай, если Джексон всё провалит. Вы согласны? – и Платов посмотрел на Джексона.

– Что вы от меня хотите? Да, провалил, это и ежу ясно. И кстати, не жалею...

– Вот даже как!

– Ну вы же сами объяснили. Да, я последний дурак, потому что согласился на эту авантюру.

– Успеете ещё посыпать пеплом голову, – усмехнулся Платов. – Но я вас спрашивал не о том.

– Ах, вы об этом... Действительно, такой вопрос я зада-

вал руководителям МИ-6. Кому же хочется подвергать свою жизнь опасности даже ради столь желанной цели? Я их прямо спросил: есть ли другой вариант, который не предполагал бы моего участия?

– И что?

– Сказали, что есть, но мне эта информация совершенно ни к чему... Это же надо набраться такой наглости! Посылают человека на верную смерть и всё от него скрывают!

– Неужели вы стерпели?

– Я им устроил такой скандал! Пригрозил спецпрокурором и расследованием в палате общин... И всё же убедил, причём вполне логическим путём! Я им сказал, что, если не вернусь, эта тайна так и сгинет вместе со мной, ну а если вернусь, это будет означать, что второй вариант уже ни к чему. Что удивительно, сработало! – и Джексон горделиво посмотрел на присутствующих, как будто и впрямь выступал в Вестминстере.

– Борис! Ну что вы тянете кота за хвост? – не выдержал Платов. – Что за план?

– Нет, мы так не договаривались, – Джексон замотал головой. – Вы предлагаете мне разгласить государственную тайну? Но это невозможно, интересы Великобритании я никогда ни при каких обстоятельствах не предам!

– А что вам остаётся? – сказав это, Митя стал засучивать рукава. – Вот впрыснем вам пару ампул «Новичка», потом закатаем в ковёр и выбросим где-то на задворках...

– Вы так не сделаете! Цивилизованные люди так не поступают! – закричал Джексон.

– Но вы же сами утверждали, что мы отправили на тот свет Литвиненко, пытались отравить Стригалья. С какой стати мы пожалеем какого-то британского министра? Кстати, хочу вам напомнить, что сегодня исполняется пятая годовщина со дня безвременной кончины ещё одного Бориса. Про Березовского слыхали?

В гостиной снова стало тихо, но это продолжалось совсем не долго, поскольку куранты стали отбивать последние секунды перед тем, как часовая стрелка сдвинулась, и вот...

– Борис, поспешите! – при этом Платов указал на циферблат. – На всё про всё и вам, и нам осталось не более двенадцати часов.

Да, время – это такая категория, с которой не поспоришь. Оно неумолимо течёт, причём исключительно вперёд. И что особенно обидно, остановить его нет никакой возможности. Даже перемещение во времени не может нарушить этого закона. Нельзя же вечно бежать вспять – рано или поздно приходится остановиться, и тогда...

– Ладно! Ваша взяла! Подчиняюсь грубой силе, – Джексон развёл в стороны руки, словно бы хотел изобразить распятого Христа. – Только не пойму, зачем вам это нужно. Ведь вы здесь, а они там...

– Об этом не беспокойтесь, есть у нас кое-какие возможности, – загадочно улыбнулся Платов. – Так на чём мы оста-

новились? Ах да... Что же это за вариант, о котором вам рассказали в МИ-6, и с кем конкретно вы встречались?

– Вряд ли вам это поможет, но так тому и быть. Эту информацию мне сообщил лично Алекс Вингер, руководитель МИ-6. Если я не смогу задержать вас здесь, предполагалось, что вас изолируют сразу по возвращении в Москву, для этого подготовлена группа спецназа...

– ГРУ, МВД, СВР?

– Я всё равно в этих деталях не разбираюсь, поэтому не уточнял. Сказали только, что у них всё уже готово – и тот, кто вас заменит, и текст заявления, в котором будет сказано, что вы погибли в результате несчастного случая на охоте где-то в горах. На Алтае, что ли... Будто бы вас завалило обломками скалы... А через несколько дней общественности представят ваше бездыханное, изуродованное тело.

– Фу, какая гадость! – не сдержался Митя.

На это Платов заметил:

– Привыкай! То ли ещё будет! – и, повернувшись к Джексону, спросил: – Вы вроде бы разговаривали с человеком из России... Когда и где это было?

– Да, я встречался с ним в офисе МИ-6. Было это в День Красной армии... Так этот праздник у вас называется? Поэтому и запомнил.

– Возможно, Вингер называл его по имени?

– Нет, он называл его просто – гость.

– А как он выглядел? Расскажите всё, что помните.

– Высокого роста, плечистый. Волосы тёмные, с пробором...

– Слева или справа?

– Вот чего не помню, того... Да, кажется, справа.

– Может быть, родинки или шрамы?

– Нет, ничего такого не было.

– Не густо... Ну что ж, вы пока посидите здесь, а мне нужно подумать, – Платов встал и неторопливо удалился в кабинет.

Казалось бы, всё, допрос закончен, однако присутствие Мити не позволяло Джексону полностью расслабиться. А вдруг Платов ушёл только потому, что не переносит вида крови? Он с опаской посмотрел на Митю, но тот, похоже, задремал.

Тем временем, Платов достал чемоданчик, тот самый, с помощью которого изображал из себя Сталина и Кагановича. И через пару минут на дисплее возник министр обороны.

– Привет, Кузьмич! Как сам?

– О, Влад! Ты уже дома?

– Нет! Один в кабинете?

– Тут ещё пара голых девиц, но они нам не помешают, – ухмыльнулся министр.

– Ты, как всегда, на высоте... Но сейчас мне не до шуток.

– Что-то случилось?

– Об этом потом. А сейчас срочно вызови к себе начальника НИИ, в котором разработано то самое оборудование –

спектрамвай и устройство связи. Только сделай так, чтобы никто ничего не заподозрил. Якобы хочешь дать новое задание. И обо мне никому ни слова!

– Всё понял.

– Я позвоню через час. До связи!

Закончив разговор с президентом, министр обороны набрал номер ГРУ.

– Игорь Валентинович! Как там твой спецназ? Возможно, наведаюсь к вечеру с проверкой.

Это была кодовая фраза, означавшая, что ожидается боевая операция.

– Всё понял.

– Вот и хорошо, – сказав эти слова, министр повесил трубку.

А Платов уже успел связаться с СВР. Разговор автоматически был переведён в комнату для особо секретных разговоров. Через минуту к аппарату спецсвязи подошёл запыхавшийся директор.

– Слушаю, Владим Владимыч!

– Сергей Евгеньевич! Как дела на вашем фронте?

– Всё путём...

– В последнее время не было никаких эксцессов с сотрудниками управления?

– Было кое-что... Сейчас посмотрю... Ага, нашёл. Дело в том, что управление внешней контрразведки контролирует тех, кто выезжает в командировку за кордон. Так вот, одного

на время потеряли...

– Надолго?

– На полтора часа... Но он потом всё объяснил.

– Где это произошло?

– В Лондоне...

– Точнее?

– Сейчас... Он был в командировке с двадцатого по двадцать пятое февраля. А потеряли его двадцать третьего на набережной у Воксхолльского моста, недалеко от Вестминстера. Там как раз проходила многолюдная манифестация...

– В том же районе и главный офис МИ-6?

– Да! А что случилось?

– Прослушка?

– Ничего не показала... Но вы же знаете, при нынешних возможностях спецтехники...

– Словесный портрет?

– Минуту... Вот... Высокий, брюнет, спортивного телосложения... Кстати, он протеже моего предшественника, а к нему, как вы знаете, было множество вопросов...

– Достаточно! Срочно возьмите под контроль все связи этого брюнета, вплоть до соседей и любовниц. И строжайшая секретность!

– Так что случилось?

– Я ещё позвоню.

Закончив переговоры, Платов возвратился в гостиную.

– Не знаю, как у вас, а у меня разыгрался зверский аппе-

тит.

– Сейчас распоряжусь, – встрепенулся Митя.

– Только рыбные закуски. И никаких излишеств!

Понятно, что нельзя перегружать желудок, если предстоит серьёзная работа.

Глава 11. Дела шпионские

Платов так и не решился самому себе ответить на вопрос, почему не обратился в ФСБ. Отчасти причина была в том, что вполне успешную деятельность по нейтрализации террористов в последнее время сопровождало несколько скандалов. Это могло быть вызвано как традиционным противостоянием с МВД, так и причастностью действующих сотрудников к коррупционным делам. Ну а нечистый на руку чекист становится удобным объектом для вербовки.

Конечно, и у разведчиков есть соблазны, достаточно припомнить недавний побег за бугор полковника Потеева. Однако без СВР невозможно обойтись, коль скоро в этом деле замешаны британцы. В конце концов, надо понимать, что работают в спецслужбах не роботы, а люди! Но даже в самой совершенной машине можно найти уязвимое звено.

Так нужно ли подключать Лубянку? Если нет, чего доброго обидятся. Впрочем, надо бы сначала выбраться отсюда, а уж потом успокаивать униженных и оскорблённых недоверием. С другой стороны, утечка информации из ФСБ будет полезна, если как следует всё разыграть...

Все эти мысли пронеслись в его голове, пока сидели за обеденным столом. Ели молча. У Мити уже не было сил на разговоры, да и Джексон утомился изрядно – прежде не попадал в такие передрыги. Платов быстро доел бутерброды,

запил зелёным чаем и ушёл к себе.

И вот на связи директор ФСБ:

– У аппарата! Здравствуйте, Владим Владимыч!

– Привет, Александр Васильевич.

– Извините, что не сразу подошёл. Я тут собрал руководящий состав, подводим итоги уходящей недели.

– Как идут дела?

– Работаем. Вот только вчера ликвидировали группу террористов в Подмосковье.

– Это хорошо! Передай мою благодарность ребятам из спецназа.

– Непременно!

– Тут вот ещё что... Даже не знаю, как сказать... Но ты у нас человек понятливый. В общем, в ближайшее время может сложиться ситуация, когда вам придётся выбирать другого президента...

– Владим Владимыч! Как же так? Да я и представить не могу ничего подобного, – в голосе директора послышались плаксивые нотки.

– А ты представь, чисто гипотетически представь. И не перебивай! Так вот, если к утру не позвоню, собирайте членов Совбеза. Обсудите передачу власти моему преемнику... И сделайте всё, как надо, чтобы не было никаких волнений, а то ещё начнутся погромы, нападения на либералов...

– Но как же? Пока не увижу ваш труп... Ох, простите...

– Ты для начала Конституцию прочитай! Если президент

не в состоянии выполнять свои обязанности, их временно исполняет премьер-министр. А там уж как решите...

– Владим Владимыч! Как же мы без вас? – директор чуть ли не рыдал.

– Да как в том анекдоте. Будете доживать, как есть! – и повесил трубку.

Платов прервал разговор, потому что нужно срочно дать приказ министру обороны: фиксировать всех, кто в ближайшее время выйдет из здания на Лубянке. Понятно, что глава ФСБ не сможет сдержать своих эмоций – ведь, если всё пойдёт по наихудшему сценарию, это не только фактическая гибель президента, но и конец всему, конец карьере. А потому что преемник наверняка на ключевые посты поставит преданных ему людей. Пусть попереживает! Пусть люди это видят! Если в ФСБ есть «крот», даже не агент МИ-6, а хотя бы один из заговорщиков, он постарается сообщить, мол, всё в порядке, сработано, как надо!

Да, не имея в ФСБ своих людей, они бы не пошли на такую авантюру... Однако выйти на связь прямо с Лубянки этот «крот» не сможет – для этого надо выбраться на улицу. Тогда-то и удастся сузить круг подозреваемых. Ну а потом... Потом придётся ждать, каким образом они себя проявят.

И тут, как гром среди ясного неба... «Как же я забыл? И в мыслях не допускал, а тут ведь всё предельно ясно. Джек-сон говорил, что, если не удастся основной план, спецгруппа будет встречать нас на месте "приземления", то есть в

Ново-Огарёво. Но ведь эта резиденция под охраной ФСО! Неужели они способны на такую подлость? Неужели смогут меня предать? Господи, что же теперь делать?»

От грустных, даже панических мыслей его отвлекло то, что обещал позвонить министру обороны. Возможно, не всё ещё потеряно. И вот на дисплее уже появился директор НИИ, где разрабатывали ту самую аппаратуру, из-за которой он и оказался в этой ситуации. Не было бы её, сидел бы сейчас в своём кабинете и в ус не дул...

– Здравствуйте, Сергей Петрович! Как вы поживаете?

– Спасибо, Владим Владимыч! Вроде бы пока держусь. Однако, насколько я понимаю, у вас возникли трудности с нашим аппаратом.

– Вы угадали, мне необходима ваша помощь.

– Весь внимание!

– Не могли бы мне пояснить, каким образом, направляясь в 1925 год, я попал в 1937-й?

– Владим Владимыч, это невозможно! Я все расчёты неоднократно проверял, сам процесс перемещения моделировал на компьютере... А вы не ошиблись, там у вас действительно тридцать седьмой?

– Я привык доверять своим глазам... Ладно, проехали. Тем более что здесь тоже интересно. Но это ещё не всё. Видите ли, Сергей Петрович, есть подозрение, что некие злоумышленники смогли воспроизвести ваше устройство.

– Не может этого быть!

– А вы не торопитесь, вы подумайте.

– Ну, если чисто теоретически, такая возможность существует.

– А кто бы мог такое сделать в вашем НИИ?

– Извините, но я никак не могу этого допустить...

– А если чисто теоретически?

– Ну ладно, хотя делаю это без удовольствия. Так вот, доступ ко всем материалам проекта имеет только мой зам по науке. То есть почти ко всем...

– Что это значит?

– Дело в том, что я самолично установил особый код доступа к программному обеспечению вашего устройства, и этот код невозможно взломать, так что вы можете быть спокойны...

– Ну а ваши программисты?

– Как правило, они разрабатывают часть программного обеспечения. Только один из них компонует всю программу, а затем её отлаживает.

– Следовательно, можно представить себе такую ситуацию, когда ваш зам и этот программист по неизвестной нам причине решили создать дубликат нашего устройства.

– Конечно, они могли использовать списанный образец основного агрегата, без которого перемещение через «коровую нору» просто невозможно. Но зачем?

– Это тема другого разговора. А вы ответьте мне на такой вопрос. Могут ли эти граждане как-то воздействовать на наш

аппарат, чтобы затруднить возвращение домой?

– Владим Владимыч! Я уже сказал, что нужен особый код, который никто кроме меня не знает. Но если есть какие-то сомнения, то в том чемоданчике, что сейчас на вашем столе, есть опция тестирования. Я вышлю краткую инструкцию, как и что... Тогда убедитесь, что я вас не обманул.

– Да что вы, Сергей Петрович, я и не сомневаюсь. А можно ли также протестировать и дубликат?

– Это вряд ли, поскольку они наверняка установили там свой код доступа.

– Жаль!

– Впрочем, есть одна возможность. Дело в том, что я заложил в основную программу возможность самоуничтожения...

– Что, будет взрыв?

– Нет! То есть взрыв, но очень слабый, достаточный только для того, чтобы уничтожить основной элемент аппарата и всё программное обеспечение.

– Замечательно! Так вышлите мне все необходимые инструкции.

– Через полчаса вы всё получите... Владим Владимыч! А всё-таки что случилось?

– Вот вернусь домой, и тогда поговорим. Большое спасибо, Сергей Петрович! Но у меня к вам ещё одна маленькая просьба. Скажитесь больным и отправляйтесь немедленно домой. Вас проводят.

– Как скажете, Владим Владимыч. Удачи вам!

– Спасибо! Удача нам не помешает. А теперь попросите к аппарату министра обороны.

– Подождите, подождите... Владим Владимыч! Я понял! Наличие дубликата устройства всё объясняет. Когда два устройства одновременно пытаются пройти через окно во времени, они не в состоянии дойти до той точки, которая заложена в программу, и происходит сдвиг на двенадцать лет. Это бывает, это мы моделировали...

– А ваш зам в курсе?

– Да, конечно!

– Спасибо! Тогда всё понятно.

И вот на дисплее появился министр обороны:

– Слушаю и повинуюсь, ваше величество.

– Ладно, кончай шутить! Тут дело куда серьёзнее, чем ты себе представляешь.

– И не в таких переделках бывали. Прорвёмся!

– Плюнь через левое плечо! Так вот, пусть профессора под руки проводят до дома, якобы занемог. Затем к нему придет врач... врач с чемоданчиком, а в нём всё, что надо для выявления жучков в квартире. Ну, специалисты знают. Далее, оставь в доме человека, пусть не подпускает профессора ни к интернету, ни к телефону, а если ему позвонят, жена пусть отвечает, мол, заболел.

– Неужто и он на подозрении?

– Да нет, конечно. Но он же в этих делах не разбирается,

может лишнее сболтнуть.

– Сделаем.

– И вот ещё что. Собери все сведения на этого зама и программиста. ФСБ не подключай, пусть ребята из ГРУ поставят их телефоны на прослушку. И учти, что всё надо делать с чрезвычайной осторожностью, чтобы злодеев не спугнуть.

– Не беспокойся! Всё сделаем в лучшем виде.

– Я на тебя надеюсь. До связи!

Глава 12. Кухонные дебаты

В то время, как Платов вёл переговоры с руководителями спецслужб и министром обороны, Митя и Борис страдали от безделья. Решили отправиться на кухню, где уговорили Галину выдать им бутылку «скотча»...

Митя выпил исключительно для бодрости и восполнения душевных сил, ну а Борису для поднятия духа требовалось гораздо больше – всем известно, что он большой любитель выпивки. Не мудрено, что между ними возник спор о происхождении этого продукта, затем обсудили, кому отдать пальму первенства в способности пить, не пьянея – англичанам или русским? – после чего они плавно перешли к истории отношений между Британией и Россией.

– Зачем вы оккупировали Мальту? – потребовал объяснений Митя.

– А вы тем временем заигрывали с Бонапартом. У вас всегда наблюдалось странное влечение к тиранам и диктаторам.

– Враньё! Если бы не мы, французы могли форсировать Ламанш.

– Где Ламанш и где Россия... – отмахнулся Борис.

– А ваш Сомоса?

– Он не наш! Он американский!

– Какая разница? Всё те же англосаксы. Если вам выгодно, вы даже с дьяволом готовы подружиться.

Приняли ещё по одной.

– Ну вот припомни, наш Владимир Мономах женился на дочери вашего короля. Зачем же поддержали Турцию, когда она пыталась захватить Крым?

– Крым не ваш!

– Это я даже не стану обсуждать.

– Вот-вот! Потому что нет ни малейших аргументов.

– Можно подумать, что у вас есть аргументы в деле Стригалия.

– И так всё ясно! – Борис махнул рукой, отвергая всякие сомнения. – А потому что вы окончательно заврались. Сначала сказали нам, что «Новичок» никогда не существовал, затем признали, что он существует, но вы уничтожили его запасы. После этого заявили, что запасы ускользнули то ли в Швецию, то ли в Чехию, Словакию и далее, в Соединенные Штаты. А на днях последовало и вовсе чудовищное заявление: будто настоящим изобретателем «Новичка» была Тереза Май.

– Кто это сказал?

– Неважно! Вы определитесь, то ли у Стригалия была передозировка, то ли он пытался покончить с собой, прихватив в мир иной и свою дочь. А может быть, его покушение на убийство было мстью за предполагаемое отравление Великобританией Ивана Грозного? Или мы хотим таким образом сорвать чемпионат мира по футболу? Наше министерство иностранных дел насчитало двадцать четыре таких нелепых вер-

сии! И потому я рад, что двадцать семь стран встали плечом к плечу, чтобы сказать, что они больше не глотают эту чушь.

– Борис, опомнись! Похоже, ты начитался бульварной прессы, откуда и черпаешь информацию. Или наслушался наших горе-политологов, которые днюют и ночуют на ток-шоу. Жаль, что двадцать семь стран продолжают глотать чушь, исходящую из Лондона – это чревато как минимум несварением желудка.

– Не беспокойся, желудки у нас крепкие. А вот вам я бы посоветовал покаяться!

– Да в чём? Ну вот скажи, зачем нам вся эта возня накануне выборов?

– Вам лучше знать... Ваши чекисты всегда работали топорно.

– Это ты об аресте Рейли?

– Досадная случайность! А вспомни про Олега Гордиевского. Сколько лет он вам голову морочил!

Тут нечего было возразить, поэтому ещё добавили.

– Борис! Ты категорически не прав. Цепляешься за факты, а вот наш Славик утверждает, что важна их интерпретация. Ты зажмурь глаза, глубоко вдохни и признайся, хотя бы самому себе, что достоверного прошлого не существует.

– Как это так? Мой прадед был турецкий журналист. Я что же, должен в этом сомневаться?

– А почему бы нет? Чем ты гордишься? Тем, что он отдал приказ об аресте Ататюрка?

– Знаешь, если бы не присутствие Галины, я бы...

– И что? – поинтересовался Митя, расправляя плечи.

– Я бы пить с тобой не стал!

Галина, всё это время дремала, прислонясь к плите. Но после таких слов внезапно встрепенулась, вырвала бутылку из рук Мити и пригрозила:

– А вот я Владим Владимычу скажу!

– Ябеда! – огорчился Митя.

– Ты меня ещё плохо знаешь. Сейчас поставлю под холодный душ, и пока не протрезвешь...

– Да я как стёклышко!

– Вижу я! Ну как тебя такого везти в Москву? стыдоба!

Странно, но эти слова вызвали удивление у Джексона. Он посмотрел пьяными глазами на Галину и сказал:

– Мадам! Как ни приятно мне ваше общество, но в Москву я не поеду.

– А куда ты денешься!

– Я хочу домой.

– Ты теперь у нас в плену, так что не рассчитывай.

– Моё правительство предъявит России ультиматум!

– Видали мы ваши ультиматумы! Слышал про наш ответ Керзону?

– Так вы же на попятный потом пошли!

Галина на минуту задумалась...

– Ну вот зачем я тебя поила? Чтобы слушать гадости?

– А ты этот факт про... про... проинтерпретируй, – с тру-

дом выговаривая слова вмешался в разговор Митя.

– Марш под душ! А то вернёмся домой, соберу кворум и потребую, чтобы сняли тебя с должности.

Митя поспешил в ванную, а Борис попросил ещё глоток:

– Ну немножечко!

– Вот приедем в Москву, я тебя так виски накачаю... Век будешь меня помнить!

– Лучше не надо. Я сейчас хочу... А если не нальёшь, я пожалуюсь Терезе Мэйн. В отличие от тебя, она ни в чём мне не отказывает... Заботливая, добрая...

– Ну да! То же мне, мать Тереза... Да я сама такая! Если будешь со мной дружить... – Галина улыбнулась и, прищурив глаза, посмотрела на Бориса со значением, как бы оценивая его скрытые возможности. Ну а того уже понесло:

– За глоток виски я бы даже родину продал!

– Тогда пойдём! Филимона дома нет, так что кладовочка свободна... Там и налью.

Галина подхватила Борю на руки и понесла в кладовку... Уже через пару минут оттуда послышались дикие крики, однако прийти на помощь Боре было некому. Митя всё ещё стоял под душем, министр культуры выгуливал собаку, а Платов вёл переговоры – то с СВР, то с министерством обороны. Если учесть, что Галина заранее оборудовала кладовку видеокамерой, то участь Джексона была предreshена – по возвращении в Лондон ему предстояло потрудиться на благо

Российской Федерации. На этот раз цель вполне оправдывала средства.

Глава 13. Заговорщик на Лубянке?

После недавней оттепели в Москве слегка похолодало и наконец-то выглянуло солнце. Завершалась первая неделя после прошедших выборов. В газетах обсуждались причины неудач Ксении Собчак и Григория Явлинского, а по центральным каналам телевидения показывали выступление Платова, записанное три дня назад. Официальная версия гласила, что Платов удалился в одну из своих резиденций, чтобы подготовить кадровые изменения в руководстве государством. И никто кроме нескольких посвящённых не догадывался, что страна осталась без президента, что Платова уже нет ни в Кремле, ни в каком-то другом месте на планете. По крайней мере, это верно, если речь идёт о настоящем времени. И никто из этих посвящённых не знал наверняка, вернётся ли он когда-нибудь в свой кремлёвский кабинет. Одни надеялись, что как-то обойдётся, а другие строили планы на ближайшее будущее, готовили новые назначения в правительство, уверяя себя в том, что всё идёт по намеченному плану...

После того, как главный чекист страны провёл совещание руководящего состава ФСБ, на котором подводили итоги уходящей недели, среди его сотрудников поползли слухи самого разнообразного содержания. Кто-то объяснял подавленное состояние шефа проблемами в семье – будто бы же-

на подала на развод из-за того, что он не сумел пристроить сына в Роснефть, заставив вкалывать в непрестижном ВТБ. Высказывалось и такое мнение – дни нынешнего директора сочтены, поскольку Платов после инаугурации назначит на его место своего бывшего охранника, который пока набирается опыта руководящей работы в должности то ли мэра, то ли губернатора. И только один человек мог сделать правильный вывод. В других обстоятельствах он бы наверняка поделился эксклюзивной информацией, вызвав завистливые взгляды коллег. Но только не сейчас, поскольку нельзя же ставить под удар тщательно разработанную комбинацию. Впрочем, это не более, чем рабочая версия, на которой остановился Платов, поскольку наличие в ФСБ «крота», работающего на заговорщиков, ещё предстояло доказать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.